Конан
КОНАН
И ВЛАСТИТЕЛИ
ШЕМА

Annotation

Воистину, Вендия страна интриг и секретов. И Конан убедился в этом на собственной шкуре, он все глубже погружается в дрязги коренного населения. Однако перед северянином возникают всё новые и новые вопросы и ни одного ясного ответа.

Теперь Конаном движет не только желание разобраться в таинственной смерти бывшего посла, но и личные мотивы. Одного из десятников Конана обвиняют в жестоких убийствах браминов с семьями, после чего казнят на главной площади. Конан считает, что его человек действовал не по собственной воле, а был околдован. И, несомненно, смерть бывшего посла каким-то образом связана с резней браминов. Конан не отступит, пока не разберется во всем этом бардаке.

«Северо-Запад Пресс», 2007, том 129 «Конан и Властители Шема»
Брэнт Йенсен. Незримые нити (роман), стр. 131-316

- Брэнт Йенсен
  -
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
  - Глава 11.
  - Глава 12.
  - Глава 13.

Брэнт Йенсен
Незримые Нити
(«Северо-Запад Пресс», 2007, том 129 «Конан и Властители Шема»)

Роман «Город у священной реки» начинается с того, что одного из солдат сотника туранской армии Конана, обвиняют в кровавой расправе над семью представителями высшей вендийской касты браминов. Стражи, что вели расследование пришли к выводу, что Хамар, так звали солдата, был безумцем и сам не ведал того, что творил. Тем не менее, его признают виновным и казнят.

Конан, который никак не мог поверить, что к нему в сотню мог затесаться безжалостный убийца, решает продолжать расследование последних событий. За то время, что он провел в Айодхье, киммериец близко сошелся с некоторыми влиятельными персонами: верховной жрицей Иштар – Рамини, вдовой предыдущего посла Турана – Телидой, ее близким другом, тысяцким городских стражей – Сатти.

Эти люди и помогают Конану в его поисках. Но пока что результаты у расследования киммерийца не те, на которые он мог бы рассчитывать. Сначала его пытаются убить гвардейцы повелителя, один из которых попал в опалу по вине Конана, за ним начинает охоту демоническое существо, имеющее облик тени, а вдобавок еще одного его солдата подозревают в злых намерениях по отношению к Вендии, якобы он имеет отношение к запрещенной секте душителей-фансигаров.

Глава 1.
Второй день расследования
Казармы

Киммериец открыл глаза, сделал глубокий вздох. Затем еще один. После этого он позволил себе улыбнуться. Этим утром тень не решилась его навестить.

На редкость приятное чувство: узнать, что все твои страхи, были беспочвенными.

А с каким трудом он заставил себя лечь!

Вернувшись в казармы из лавки алхимика, киммериец, побродив немного по опустевшим уже в столь поздний колокол коридорам, уселся играть с солдатами в кости.

Конан сказал сам себе, что он не должен ложиться спать, пока не дождется Амьена, которого с утра никто не видел. Но истинная причина того, что он не спешил в постель, была иной. Киммериец боялся.

Он боялся того, что действие репилента может закончиться и тень объявится вновь. После визита к Аямалу Конан перестал замечать ее присутствие, но насколько он себе представлял природу этой твари, тень по-прежнему находилась неподалеку и ожидала того момента, когда сила эликсира иссякнет.

Ближе к третьему послеполуночному колоколу сотник начал всерьез задумываться и об Амьене. Зря он отнесся к его встрече с фансигарами с такой прохладцей. Что если у него уже не появится шанса поговорить с новоявленным десятником?!

Окончательно испортили настроение кости, которые сегодня принципиально не желали ложиться нужным образом. Когда киммериец понял, что успел спустить половину месячного жалования, то, послав по проклятью всем известным ему вендийским богам, отправился спать. Со злости даже отказался от идеи поставить дежурить у своих дверей парочку солдат.

Уснул он не сразу: слишком много эмоций накопилось. Но потом усталость взяла свое.

Сейчас-то все вчерашние страхи казались киммерийцу смешными, но ночью они были вполне осязаемыми.

Конан быстро привел себя в порядок, надел чистый наряд и отправился завтракать.

О серьезных вещах он с солдатами специально не заговаривал. Нечего себе и им настроение портить. Говорили в основном о женщинах и о выпивке, которая в Вендии была на редкость паршивой.

За этим разговором киммериец вспомнил, что обещал Рамини зайти к ней в ближайшие дни. После казни Хамара северянин больше думал о судьбе своего солдата, чем о женщине, делившей с ним ложе. Тогда он и пробыл у нее меньше, чем обычно, да и ушел неожиданно для девушки, поддавшись внезапному внутреннему порыву.

Взвесив все «за» и «против», Конан решил ненадолго отложить визит к Тхану. Первым делом сегодня стоило посетить храм Иштар. Киммериец представил, как Рамини будет рада его видеть. Можно будет позвать к ней в покои и других жриц и на три-четыре колокола отрешиться от всех проблем.

Чем больше северянин думал о такой возможности, тем сильнее ему хотелось поскорее очутиться на мягкой постели верховной жрицы Иштар.

— Сотник, — обратился к замечтавшемуся киммерийцу Хасан. — Знаешь, а ведь Амьен так и не вернулся. Не случилось бы с ним чего. Вдруг кто-то нам за браминов, убитых Хамаром, решил отомстить.

— Я поищу его, — пообещал Конан, поднимаясь из-за стола.

Ну, уж нет! Никаких убийств! Никаких браминов!

Сначала продолжительные женские ласки, прохладное вино и ощущение блаженства. Только после этого киммериец был согласен вернуться в этот бренный мир.

Киммериец спешно покинул казармы и быстрым шагом устремился к храму Иштар, где ждала его Рамини.

Впервые за долгое время он не обращал внимания на толпы вендийцев на улицах и безо всякого стеснения отталкивал прохожих в сторону. Сколько раз он уступал им дорогу, теперь пришла и их очередь.

Находясь под воздействием захлестнувшей его идеи, Конан не сразу заметил, что кто-то его окликает по имени.

Он обернулся и увидел, что к нему спешит Залиль.

Внучке Телиды киммериец всегда был рад, но сейчас она выбрала очень неподходящее место для встречи. Почти перед самым храмом Иштар. Если Рамини увидела бы ее, беседующей с Конаном, это могло бы стать поводом для серьезного разговора. Киммериец так и не разобрался, свойственно ли верховной жрице чувство ревности или нет.

— Конан! — Залиль остановилась в шаге от киммерийца. — Я зову, зову тебя, а ты не слышишь…

— Прости, пожалуйста, — северянин обнял девушку и начал гладить по волосам.

Но Залиль от него отстранилась.

— Я к тебе не за этим, — заявила она. — Меня Телида послала.

— Что-то случилось? — обеспокоено поинтересовался Конан.

— Они просила передать, что твоего знакомого по имени Сатти сегодня утром убили.

Нет, мир решительно не желал давать Конану даже колокола на отдых. Киммериец был изрядно ошарашен свалившимся на него известием. Из того, что он слышал о Сатти, выходило, что этот человек твердо намеревался дожить до глубокой старости и имел все шансы осуществить это свое намерение. Не верилось, что кто-то так вот неожиданно отнял у него жизнь.

— Ошибки не может быть? — на всякий случай спросил Конан, уводя Залиль на одну из боковых улиц, подальше от храма Иштар.

— Я не знаю, — пожала плечами девушка. — Телида полколокола назад позвала меня и наказала поскорее найти тебя и передать то, что я тебе передала.

— Получается, мне надо идти с тобой, — проговорил Конан.

Залиль подняла на Конана свои огромные глаза, силясь понять, вопрос это был утверждение.

— Наверное, так, — все-таки ответила она.

Конану не нравились те игры, в которые пыталась с ним играть Телида. Она прямо и недвусмысленно призывала киммерийца к себе на встречу. Но сотник уже достаточно времени провел в Вендии, чтобы понимать, какие могут последствия у такого визита. Кому надо сразу же доложат, что он, узнав о смерти тысяцкого Сатти, с которым с недавнего времени водил дружбу, в первую очередь направился к вдове бывшего посла Турана. А в том, что Залиль прислали к нему именно с вестью об убийстве, никто даже сомневаться не будет, здесь просто не было других вариантов.

И какие же выводы сделают из всего этого заинтересовавшиеся сложившейся ситуацией вендийцы? Да великое множество выводов! Но во всех его фигура будет связываться с фигурой Телиды.

Такой шаг со стороны вдовы скорее всего означал предложение перейти на новый уровень

откровенности. Получается, что произошло нечто такое, что Телида решила, что в новой обстановке ей не справиться без помощи киммерийца. И опять же, почти наверняка, это нечто напрямую связано с убийством тысяцкого. Но деталей Телида не сообщала. Ни одной!

— Ну, что? Мы идем?

Залиль теребила киммерийца за рубаху. Он и сам не заметил, как встал по середине улицы.

Конану ужасно захотелось сказать, что никуда он не пойдет. Вот только после такого поступка о хороших отношениях с Телидой можно было забыть.

Проклятье! Почему его первой нашла именно Залиль, а не кто-нибудь из стражей раджи, близких к покойному Сатти, который знал бы о его сотрудничестве с северянином?!

— Да, просто мне надо было немного подумать.

Конан взял девушку за руку и позволил ей вести себя по улочкам Айодхьи к дворцу, принадлежавшему некогда ее деду.

— Вы близко с ним дружили?

Сотник задумался прежде чем ответить, все равно подозрений такая пауза вызвать не могла: Залиль, верно, решит, что он просто предается воспоминаниям о товарище. На самом же деле киммериец размышлял, до какой степени можно было доверять внучке Телиды. С одной стороны, она казалась ему девушкой весьма самостоятельной, а в людях он ошибался редко. С другой, эта самостоятельность никак не могла помешать Залиль передавать вдове посла все свои разговоры с киммерийцем.

— У нас с ним были странные отношения, — в конце концов Конан решил ответить честно. — Но он вызывал у меня определенную симпатию.

— Я несколько раз видела его, — сказала Залиль, — когда он приходил в гости к Телиде. Он был красивый.

А не было ли чего между ними? Что если Залиль делила ложе не только с ним, но и с Сатти? Тогда он мог и посвятить ее в тайну своего расследования.

— Ты знала, чем он занимался? — Конан постарался, чтобы его вопрос прозвучал как можно более бесстрастно.

— Догадывалась, — ответила Залиль.

Киммериец повернул к ней голову и увидел, что девушка даже не пытается скрыть улыбку. Она хоть и была по крови туранкой, но воспитала ее Вендия и сейчас рядом с сотником шла истинная вендийка, для которой жизнь без интриг и тайн – это и не жизнь вовсе.

Конан вмиг почувствовал себя последним олухом. Продолжать беседу расхотелось.

— Не обижайся, пожалуйста, — попросила девушка. — Я не хотела расстраивать тебя, обещаю загладить вину сегодня же вечером. Любым способом, каким ты пожелаешь.

— Заманчивое предложение, — отозвался Конан.

Однако дальше этой фразы разговор не пошел. Северянин был мрачен, девушка же чувствовала себя вполне комфортно, поняв, что извинения ее все-таки будут приняты.

У дворца Телиды к удивлению киммерийца не было видно ни стражника.

Конан не знал, кому поручат расследовать смерть тысяцкого: дознавателям владыки либо же раджи, но кто бы ни занимался этим делом, в первую очередь следовало им бы проверить связи Сатти. Это если, конечно, личность убийцы еще не установили, но сотник последнюю вероятность в расчет не принимал.

И тогда служителям закона прямая дорожка была сюда, во дворец бывшего посла.

По прикидкам Конана стража к дому Телиды должна была придти чуть раньше, чем они с Залиль. Весть о смерти Сатти он получил сравнительно быстро, но все же явно чуть позже, чем стражники. Сколько-то времени у них ушло, чтобы выяснить, кого чаще других навещал покойный тысяцкий в последние дни и направить сюда отряд во главе с опытной ищейкой.

Конан был бы не против остановиться чуть вдалеке, в уголке потемнее и понаблюдать за домом, но с ним была Залиль. И киммерийцу пришлось укротить свои желания и не таясь следовать за внучкой Телиды к входу во дворец.

У ворот слуги тоже держались достаточно свободно, чтобы можно было понять, что внутри дворца дознавателя нет. Хотя вряд ли бы он пришел к Телиде один, а младших стражей ему пришлось бы оставить здесь у ворот, если он не хотел обидеть хозяйку.

Киммериец окинул пристальным взглядом охранников-туранцев, когда проходил через ворота, силясь понять, какие указания они получили от своей госпожи. Но по их непробиваемым лицам читать было тяжеловато.

— Не кажутся они обеспокоенными, — поделился с Залиль своим наблюдением киммериец.

— С чего им беспокоиться? — ответила девушка. — Стоят, охраняют, проблем никаких не имеют.

— Ну, не дураки же они совсем, — возразил Конан. — Должны помнить, что Сатти был частым гостем в этом доме, а значит, что сегодня сюда много других чуть менее приятных гостей пожалует.

— Так ты еще ничего не понял?! — удивленно произнесла Залиль.

— Что не понял? — обескуражено спросил северянин.

— Никто в городе не знает, что Сатти мертв, — сказала Залиль.

В голосе ее различались нотки торжества, вызванного тем, что ей удалось удивить киммерийца.

— Чем вы тут с Телидой занимаетесь? — удивление сотника очень быстро сменилось подозрительностью.

— Телида может чем-то и занимается, но я здесь ни при чем, — заявила девушка. — Она меня в свои дела не посвящала, просто попросила передать тебе несколько слов. Но я же не дурочка, чтобы не задумываться об их значении. Сатти мало того, что был тысяцким, что само по себе много значит, он был одним из самых известных людей в Айодхье. Его смерть не могла бы остаться незамеченной. Стань это известие всеобщим достоянием, об убийстве тысяцкого говорила бы половина столица, а в нашем дворце было бы не протолкнуться от стражи.

Залиль продемонстрировала, что она не только наблюдательна, но еще и умеет делать смелые умозаключения. Что ж, это был еще один повод подозревать ее в связях с Сатти. Хитроумному вендийцу такая помощница могла бы быть полезной.

— Часть моих сомнений ты, конечно, разрешила, — улыбнулся Конан. — Но вместо них появился десяток других, ничуть не лучше.

Девушка хихикнула.

Тем временем они уже прошли сад и оказались перед чуть приоткрытыми дверьми, ведущими внутрь дворца. Стражи перед ними, как и обычно, не стояло. И вообще никаких признаков выходящих за рамки обыденного событий пока не наблюдалось.

Тут, словно откликнувшись на мысли киммерийца, из-за дверей появилась Телида. Вид у нее был… взъерошенный.

— У тебя все хорошо благочестивая? — Конан не удержался от традиционного вопроса.

Правда, на этот раз приветствие было пропитано иронией значительно больше обычного.

— Нет, — резко ответила Телида киммерийцу и обратилась к своей внучке. — Разболтала все, что могла? Не отвечай, и так все понятно. Чтобы сегодня из дома носа не показывала, ясно?!

Залиль коротко кивнула.

Телида махнула рукой, давая понять внучке, чтобы та оставила их с Конаном.

— Она все знает? — спросил киммериец, когда девушка убежала.

— Ничего она не знает! — голос Телиды то и дело срывался на крик. — Но о многом догадывается. Залиль очень умна, в этом она пошла в меня. У нее уже наверняка есть мысли о том, что произошло с твоим не в меру любопытным дружком. Она случаем не поделилась ими с тобой?

— Нет, только сказала, что в городе об убийстве не знают, — Конан не видел смысла врать.

— Ну, это и слепой заметит, — облегченно сказала вдова. — Похоже, девочка понемногу учится держать язык за зубами. И это очень хорошо, потому что при всем своем уме она все еще ребенок, который не в силах различить реальной опасности. Мне страшно за нее, особенно после того, что произошло с Сатти.

— Тогда зачем ты послала ее ко мне с известием о его смерти?

— Мне срочно понадобилась твоя помощь, — ответила Телида. — Залиль была нужна, чтобы найти тебя, а правда, чтобы убедить придти сюда без промедлений.

Конан тяжело вздохнул. Он мало, что понимал в происходящем, но ситуация не нравилась ему все больше и больше.

— Телида я не такой умный, как твоя внучка, — киммерийцу не хотелось притворяться, что он хоть что-то знает. — Мне совершенно невдомек, как получилось так, что о смерти Сатти тебе известно, а стражникам — нет.

— Ты всего лишь не желаешь видеть очевидных вещей. Идем.

Телида повела киммерийца по хитросплетениям дворцовых коридоров. В какой-то момент Конан перестал ориентироваться, где именно они находятся. В эту часть дворца его раньше никогда не приглашали. Она ни чем особенным от остальных не отличалась: не было в ней никакой таинственности, и жутью от нее не веяло, просто она была незнакомой.

Конан прислушивался к окружавшим его звукам, но и они были самыми обычными: свист ветра, щебет птиц, эхо людских голосов. Не было вообще ничего, что могло бы возбудить подозрения, однако именно сюда вела сотника Телида, желая поделиться секретами, связанными со смертью Сатти.

Похоже, недоверие киммерийца к персоне Телиды было ненапрасным.

Однако вдова не дала Конану додумать эту мысль. Она остановилась перед очередной ни чем не примечательной дверью, отыскала на связке нужный ключ и открыла им замок.

Внутрь Телида вошла первая, показывая гостю, что это не ловушка.

— Проходи, — пригласила Конана вдова.

Киммериец послушался и переступил через порог.

И тут же замер на месте, как вкопанный. Боковым зрением он заметил, как Телида прикрыла дверь за его спиной. Но основная часть внимания киммерийца была прикована к другому.

Посреди комнаты стоял длинный стол, бывший в комнате единственным предметом обстановки. На столе лежало разрубленное надвое обнаженное тело Сатти. И тело, и стол, и пол вокруг него – все было запачкано кровью.

— И как это понимать? — спросил Конан у Телиды.

— Нам нужно, как можно скорее, уничтожить тело, — спокойно ответила вдова. — Бери инструмент.

Телида указала Конану на фартук и топор, которые лежали на полу неподалеку от входа. Чуть в стороне находился еще один подобный набор.

Глава 2.
День прибытия в Айодхью
Полуночные городские ворота

Сотник имел достаточно причин для гордости: дальний путь из столицы Турана в столицу Вендии остался позади. Особенно трудным назвать его было нельзя. Но сложностей по дороге не возникло, лишь благодаря разумному планированию, умению Конана и его десятников различить вероятную опасность до того, как она стала реальной. Единственным исключением стало нападение безумных идолопоклонников на авангард отряда туранцев.

Вот только великий посол Туранской империи Шеймасаи этого не понимал. Судя по его высказываниям, его препровождение было организовано отвратительно. Мало того, что тупой киммериец гнал отряд вперед в совершенно ненормальном темпе, так он еще на самом подъезде к столице умудрился ввязаться в схватку с дикарями, которую, судя по потерям, еще и проиграл.

Конан особо и не ждал от него слов благодарности. Лично ему на пустословие посла было наплевать, но было обидно за солдат, которые немало вытерпели, исполняя все мыслимые и немыслимые требования своего командира.

— Мы не будем вам платить, — Конан оторвался от размышлений о гнилой натуре Шеймасаи, чтобы в очередной раз высказать страже полуночных ворот свою точку зрения на счет взимаемых со всех приезжих налогов. — Позовите своего начальника.

Вендийским киммериец пока только овладевал, а потому говорил лишь короткими фразами, чтобы не допустить никакой ошибки.

— Сто тридцать человек — сто тридцать монет.

Страж продолжал упорствовать. Он также, по примеру Конана, оставил в сторону велеречивость.

Проблема состояла в том, что отряд прибыл в Айодхью несколько раньше ожидаемого срока, и стража не была предупреждена, что с гостей не то что налог снимать не надо, а более того следует препроводить со всеми почестями во дворец к радже Нараину.

Грамоты, которые предъявляли стражам Конан и Шеймасаи, не произвели на них никакого впечатления – печати на них стояли незнакомые и, как знать, может быть поддельные. Одним словом, без денег пускать отказывались.

Ситуацию эту, кроме как недоразумением, назвать было нельзя. Но недоразумение это было неприятное, потому что очевидных путей его разрешения видно не было.

Заплатить – значит уронить честь Турана в глазах чужеземцев. Прорываться силой – начинать новый этап отношений с Вендией с бессмысленного кровопролития.

К счастью, Шеймасаи, не настаивал на втором варианте, и у Конана появился шанс разрешить дело миром. Но после препираний, которые длились полколокола, киммериец убедился, что со стражами им решительно не повезло. Эти представители одной из младших каст кшатриев отличались тупостью и преувеличенным чувством собственной значительности.

Тогда один из десятников – Бернеш предложил неплохой выход из постигшего отряд затруднения. Он взял одного из почтовых голубей и отправил через него письмо, в котором говорилось, что новый посол Турана назавтра прибудет к полуночным воротам Айодхьи. Датировал Бернеш письмо вчерашним днем.

Получив послание слуги раджи, конечно, испытали бы легкое удивление от того, что птица

летела к ним так долго, но отреагировать на него должны были незамедлительно. И тогда отряд встретили бы, как и положено.

По прикидкам Конана встречающие должны были вот-вот подойти к воротам, ну а пока он, чтобы как-то убить время, продолжал препираться со стражниками. Все лучше, чем слушать, как на тебя орет взбешенный задержкой Шеймасаи. К стражам посол подъезжал лишь в самом начале, но когда убедился, что они его словам не внемлют, удалился, оставив киммерийца беседовать с ними.

— Что здесь происходит?

Со стороны города к воротам подъехал высокий вендиец с окладистой бородой. Одет он был в отполированную до блеска кольчугу. На поясе висела сабля с богато украшенным драгоценными камнями эфесом. Конь вендийца был черным, как ночь.

— Эти люди отказываются платить за въезд в город, — доложился незнакомцу страж.

— Они предъявляли тебе какие-либо бумаги? — высокий вендиец обращался исключительно к стражнику. Конана он предпочитал не замечать, и киммериец тоже не спешил его окликать.

— Да, предъявляли, — не стал отпираться страж.

— Тогда, почему мне не было об этом доложено?! — повысил голос прибывший человек. — На этот счет не раз давались указания!

— Их грамоты мне знакомы не были, – попытался оправдаться страж.

— Дурак, — махнул рукой обладатель вороного коня. — Уйди отсюда. Найди среди прибывших со мной того, кому велено тебя сменить на посту. Сам же вечером явишься ко мне за наказанием.

Стражник поклонился и двинулся в сторону группы солдат, отстоявших от высокопоставленного вендийца шагах в двадцати.

— Покажите мне ваши грамоты, — обратился обладатель вороного к Конану.

Киммериец достал документы из сумки у седла и протянул их вендийскому чиновнику.

Тот внимательно изучил их, проверил пальцем сургуч печатей, после чего кивнул и вернул бумаги назад сотнику.

— Прошу принять мои извинения, — говорил вендиец ровным вежливым тоном. — Уверяю, что оскорбление было нанесено вам ненамеренно, и мы сделаем все, чтобы его загладить.

— Не понимаю, о каком оскорблении идет речь…

Закончить фразу киммерийцу не позволил подъехавший к ним с вендийцем Шеймасаи.

— Извинения будут приняты, — произнес посланник Турана, — если вы, как можно более скоро организуете нам эскорт и укажите путь к дворцу раджи Нараина. Думаю, он примет нас без промедления.

— Как будет угодно высоким гостям, — вендиец на слова Шеймасаи отреагировал совершенно спокойно. — Следуйте за мной.

Чиновник развернул коня и медленно поехал за ворота.

— Созывай своих солдат, сотник, — велел Конану Шеймасаи.

Созывать никого не требовалось, команд на отмену изначального построения киммериец не давал. Отряд был готов в любой момент проследовать в Айодхью. Но доносить это знание до Шеймасаи, сотник не собирался – слишком много ему чести.

Киммериец поднял вверх правую руку и громко объявил:

— За мной!

Туранцы повиновались.

Шеймасаи ехал чуть впереди Конана и остальных солдат в окружении личных телохранителей. В иной ситуации киммериец оспорил бы это его решение: гарантировать

безопасность посла в таких условиях он не мог. Но при иноземцах он ссориться с Шеймасаи не хотел.

На Конана Айодхья не произвела большого впечатления. Столица Вендии мало чем отличалась от других городов этой страны, виденных киммерийцев по пути следования туранского посольства. Айодхья была грязной, многолюдной и совершенно равнодушной к иноземным гостям. Столичных жителей заезжие туранцы не занимали совершенно.

Киммериец же, в силу своих обязанностей, внимательно изучал окружавший отряд люд, высматривая опасность. Нельзя было исключать возможность того, что на Шеймасаи нападут сразу же по прибытию отряда в город.

Сам же посол подобных опасений не испытывал или же вполне натурально делал вид, что не испытывал.

Шеймасаи двигался на одинаковом расстоянии и от посланного встретить туранцев вендийского чиновника, и от начальника сотни сопровождения. По сторонам он не оглядывался, держался в седле исключительно прямо.

— Вошел в роль, — пробормотал себе под нос киммериец. Впрочем, без особого раздражения.

Для Конана тоже скоро должна была начаться новая жизнь. Если до этого времени он просто исполнял обязанности провожатого и достаточно достойно с ними справлялся, за исключением нелепой смерти Газила, то теперь ему предстояло заняться расследованием гибели бывшего посла Турана.

Царь Илдиз не ставил перед киммерийцем задачи найти убийц. Правитель Турана желал узнать, что твориться в Вендии, не нарождается ли здесь реальная угроза благополучию великого закатного соседа.

Но сам сотник видел лишь один способ разобраться в происходящем, если, в самом деле, в Айодхье происходило нечто интересное. Предстояло найти убийц посла, и уже тогда смотреть, какие ниточки от них тянутся и куда они приведут.

В первую очередь Конан хотел поговорить с вдовой посла. Царь Илдиз говорил, что именно она настаивала на том, что смерть ее мужа не случайна.

Во время одной из стоянок на пути из Турана в Вендию киммериец подошел к Шеймасаи и постарался завести с ним разговор о бывшем после и о его семействе. Нормальной беседы, как и следовало ожидать, не получилось. Туранец взъелся на Конана, указав тому, в какие именно дела солдатам дозволено совать свой нос, и с криками выставил сотника из шатра.

Киммериец и не рассчитывал, что Шеймасаи усадит его за стол, предложит вина и расскажет все, что ему известно о предшественнике. Конан знал, что посол сразу же перейдет на крик и оскорбления, но именно это сотнику и было нужно. Шеймасаи обычно был несдержан на язык и в ярости мог сказать что-нибудь и о фигуре бывшего посла, раз именно он послужил причиной его беспокойства.

Но в этот раз Конану не повезло. Ни про посла, ни про его жену Шеймасаи ничего не сказал.

Это означало то, что знакомство с Телидой предстояло начинать с нуля.

Но до этого еще следовало выдержать визит к радже.

По этикету начальник сотни сопровождения обязан был проследовать вместе с послом Турана к властителю Айодхьи. Но киммериец подозревал, что Шеймасаи может захотеть избавиться от присутствия варвара на церемонии представления. Конан в душе был не против такого положения вещей. Отвешивать поклоны и слушать долгие пустые речи у северянина большой охоты не было.

Но Шеймасаи, вопреки надеждам Конана, решил, что без сотника ему не обойтись.

Киммериец распорядился, чтобы с ним к радже проследовал десяток Масула. Руководить оставшимися солдатами в свое отсутствие он привычно поручил Хасану.

Старый десятник с вверенными ему людьми остался ждать возвращения Конана за пределами дворца. Без малого девяносто человек разместили в той части двора, где обычно проводили свои тренировки городские стражи.

Конан же с десятком Масула эскортировал посла. Солдаты на этот раз держались непосредственно за Шеймасаи. Вся сотня еще в Туране получила наставления о том, как следует себя вести во время дипломатических церемоний. Конан специально по дороге, когда им случалось останавливаться на ночлег у знатных персон, назначал то один, то другой десяток ответственным за препровождение Шеймасаи.

Так что сейчас он не сомневался, что солдаты ведут себя подобающим образом: смотрят вперед, держат шаг, к оружию не прикасаются, рта не открывают и прочее, прочее.

Сам киммериец также вынужден был следовать этим же правилам, а потому толком рассмотреть дворец раджи не получилось. Но то, что он был обставлен чрезвычайно богато, Конан уловил.

Вообще куда больше дворца сотника интересовали люди Нараина: как вооружены, как обучены, как держаться. Но бросать оценивающие взгляды на солдат другой державы в нынешней ситуации было бы наглостью. Потому лишь непосредственно во время церемонии представления друг другу посла и раджи, когда все внимание присутствующих было приковано к этим двум персонам, киммериец смог осуществить свое желание.

Церемония представления проходила в большой зале, в которой при желании смогло бы спокойно разместиться до тысячи человек. Сейчас народу в ней было меньше, и большей частью это были различные чиновники, но набралось и два десятка стражей раджи.

Вооружены они были легко. Сабли вендийцев заметно уступали в длине оружию туранцев. Плетение кольчуг также было более тонким, защиты на ногах и не было вовсе. Эти люди разительно отличались от солдат, находившихся в гарнизонах городов, которые миновала по дороге сотня Конана. Те наоборот уделяли доспехам чересчур много внимания, из-за чего казались киммерийцу излишне неповоротливыми.

Тот же человек, что командовал городским гарнизоном Айодхьи, явно отдавал себе отчет в том, что стража должна в первую очередь быть ориентирована на действия непосредственно в столице Вендии, то есть в духоте, в толчее, в путанице.

Конан решил, что ему также стоит подумать над тем, не изменить ли слегка вооружение вверенных ему людей на время пребывания в Айодхье, если позволят средства, разумеется.

Сама же церемония представления ничего особенного собой не представляла. Шеймасаи и Нараин вышли навстречу друг другу, поклонились, обменялись грамотами. После этого правитель Айодхьи и новый посол Турана обнялись и произнесли несколько негромких реплик.

Затем Нараин громко на туранском языке объявил:

— Приветствую посланца великой Туранской Империи в нашем славном городе. Слава Турану!

Те двадцать стражей, что находились в зале трижды повторили за раджой: «Слава Турану»!

Шеймасаи вновь поклонился. Посол казался Конану чрезвычайно довольным.

Улыбка же с лица раджи так и не сходила с самого начала церемонии.

Нариан был невысоким смуглым человеком. Бороду и усы он стриг довольно коротко. Их уже понемногу начала затрагивать седина, равно как и волосы правителя Айодхьи. Идеальной фигурой раджа похвастать не мог, но и чересчур полным назвать его тоже язык не поворачивался. Черты лица у Нараина были мягкими, и улыбка располагала к себе.

— Прошу вас, — произнес раджа, когда слуги внесли в зал большое блюдо, заставленное

вином и фруктами, – вкусите еду моего дома.

Нараин сам наполнил вином кубок гостя и преподнес его Шеймасаи.

Посол отведал напиток, похвалил его, после чего взял с подноса персик.

Когда слуги удалились, Шеймасаи и Нараин продолжали тихо, чтобы их слова не достигали посторонних ушей, общаться между собой. Беседовали они не очень долго, и вновь, как и в предыдущий раз, по окончанию их с послом разговора раджа громко обратился к людям в зале:

— Великая честь была принять у себя в доме столь замечательного человека!

— Великая честь и для меня, — ответил Шеймасаи. — Рассчитываю увидеться с вами и завтра у повелителя.

— С превеликим удовольствием продолжу общение с вами.

Представители двух великих держав вновь поклонились другу.

Нараин, выпрямившись, остался стоять там, где и стоял. Шеймасаи же развернулся и проследовал к выходу из залы. Конан с десятком Масула направился следом за ним.

Когда туранская миссия вышла из дворца, Шеймасаи жестом подозвал к себе сотника.

— Сейчас мы идем в посольство, — сказал туранец. — После этого я направлюсь в свой дворец. Для тебя и твоих людей раджа выделил отдельное помещение.

— Понятно, — кивнул киммериец. — Вам понадобятся все мои люди для препровождения вас к новому месту жительства?

— Я как раз хотел сказать, — ответил Шеймасаи, — что для охраны мне достанет и моих телохранителей. После визита в посольство наши пути разойдутся, и надеюсь, что пересекаться будут они нечасто.

— Меня такой вариант не устраивает, — обычно Конан держался с послом более вежливо, но сейчас Шеймасаи коснулся тех полномочий киммерийца, к которым не имел прямого отношения. — У меня есть приказ от царя Илдиза. В первые три дня вас будут сопровождать не менее трех десятков моих людей. По прошествии этого времени я приму решение насчет дальнейших мер безопасности.

Шеймасаи зло посмотрел на Конана, сплюнул и, ускорив шаг, отдалился от киммерийца.

Смерть Шеймасаи действительно никак не вязалась с планами сотника, и он намеревался делать все от него зависящее, чтобы новый посол Турана не отправился на скорое свидание с Нергалом. Охранять Шеймасаи силами своей сотни он собирался до тех пор, пока не убедится, что его жизни ничто не угрожает.

Не то чтобы Конан не доверял телохранителям Шеймасаи: они были, самое меньшее, ровней воинам из сотни сопровождения, просто рядом с послом ему нужны были люди, которые будут исполнять его, Конана, приказы.

Тем не менее, известие о том, что сотня будет жить отдельно от Шеймасаи, киммериец воспринял с воодушевлением. Посол плохо влиял на солдат, отличался ужасным нравом, и вообще без него было лучше.

Оставалось только надеяться, что отделенным от посла солдатам, выделят для жизни нормальный дом.

Но до знакомства с новым обиталищем было еще много времени. Сначала предстояло посетить посольство, затем разобраться с безопасным размещением Шеймасаи.

Провожатый за время пребывания отряда во дворце у Нараина успел поменяться. Теперь эскортом руководил не бородатый вендиец, что встретил туранцев у ворот Айодхьи, а один из помощников раджи. Киммериец помнил, что тот находился на церемонии в первых рядах принимающей стороны – место, по мнению Конана, вполне почетное.

Когда отряд построился перед воротами дворца, этот вендиец поочередно подъехал сначала к Шеймасаи, потом к Конану и попросил следовать за ним и его людьми.

Люди на улицах перед новым провожатым расступались чуть более споро, чем перед прежним, хотя этот доспехов не носил, да и конь у него был не боевой, а самый обыкновенный.

Шеймасаи, как и в прошлый раз, предпочел держаться далеко впереди отряда.

Конан вновь не стал вступать с ним в дискуссию. Вместо этого он подозвал к себе трех десятников: Талата, Ясира и Бернеша. Им он собирался поручить охрану посла в первый день.

Выбор этот объяснялся достаточно просто: Талат раньше трудился в сыскной службе и отлично мог разобраться в том, насколько хорошо или плохо охраняется тот или иной дом, Ясир сопровождал караванщиков и имел репутацию непревзойденного мастера своего дела, Бернеш же просто казался киммерийцу самым сообразительным и сметливым из десятников, и его обязательное присутствие у Конана даже вопросов не вызывало.

Вкратце киммериец обрисовал им ситуацию, в которой им предстоит действовать, и особенно настаивал на том, чтобы все три десятника подробно, до мелочей запоминали все, что происходит вокруг, и доносили до сведения своего сотника. Незнакомая страна, незнакомые люди: опасность могла крыться где угодно.

Получив указания, десятники вернулись к своим людям, доносить до них приказы командира.

Больше до того момента, как отряд добрался до ворот туранского посольства, киммериец ни с кем не общался.

Дворец, в котором располагалось посольство, по размерам значительно уступал тому, в котором жил раджа Нараин, но все равно был огромен. В Аграпуре ни одна страна не могла похвастаться таким представительством.

На ступенях дворца в окружении слуг Шеймасаи встречала высокая и очень худая туранка с лицом хищной птицы, на котором улыбка, пребывавшая там в настоящее время, смотрелась несколько неуместно.

Киммериец решил, что это и есть Телида.

— Мое имя Телида, — подтвердила женщина догадку сотника, – рада принять вас во дворце моего покойного мужа.

—— Это дворец посла Турана, — Шеймасаи на своем коне находился впереди всех прибывших: солдаты во главе с Конаном держались по-прежнему позади посла, вендийцы же из провожатых сразу за воротами расступились по сторонам. — А значит мой. Я представляю здесь власть Турана, и мне не нравится, женщина, когда мне не оказывают должного почтения.

— Приношу свои извинения, — в голосе Телиды проступали ядовитые нотки, – если вы, конечно, и в самом деле представитель власти царя Илдиза. Уж простите, но по внешнему виду, вы скорее напоминаете отъевшегося сверх меры купца, которого Эрлик не наградил ни манерами…, ни ростом.

— Да как ты…

Шеймасаи уже начал было гневную отповедь, но Телида его перебила.

— А грамот ваших я пока не видела, — сказала она. — Так что власть Турана – здесь я. Предъявите мне ваши бумаги, иначе я попрошу своих людей выставить вас отсюда немедля.

Вдову нисколько не смущала сотня туранских воинов, находившаяся за спинами Шеймасаи.

— Сумасшедшая женщина, — пробормотал Шеймасаи, но так, чтобы его слышали все окружающие.

Однако вслед за этими словами он подъехал к Телиде и вручил ей бумаги.

Конан про себя ухмыльнулся: именно с этой женщиной волею царя Илдиза ему было назначено распутывать клубок вендийских интриг.

Глава 3.
Второй день расследования
Дворец Телиды

До этого дня мясником Конану работать не доводилось. Нет, он, конечно, сотни раз вонзал меч или саблю в туловище врага, но чтобы вот так планомерно разрубать человеческое тело на маленькие кусочки – такого еще не случалось.

Работал киммериец молча. Было у него внутреннее убеждение, что начни он расспрашивать Телиду до того, как с четвертованием трупа будет покончено, то ничего хорошего из этого не выйдет.

Вдова посла точно, что спешила поскорее разобраться с телом покойного Сатти, при этом не выказывая ни малейшего желания отвечать на вопросы. Большой беды в том, что беседе будет предшествовать труд мясника, Конан не видел: раньше или позже Телида даст все ответы.

Единственное, что смущало – это сама работа. Разделывать на куски приятелей – занятие неприятное и, пожалуй, даже в чем-то недостойное.

Рубить труп приходилось мелко. В этом Конан брал пример с Телиды. Она также не произносила не слова, но время от времени кивала киммерийцу, показывая, что тот делает все правильно.

Отделенные от тела куски они складывали в тряпичные мешки, что также находились в комнате. Когда те заполнялись, их перевязывали бечевкой и оттаскивали в сторону.

Под конец оставалось самое неприятное. Предстояло разобраться с головой тысяцкого. Этим выпало заниматься Телиде. Она несколькими ударами топора расколола череп на четыре части и закидала их в мешок. Зрелище было отвратительное.

Конан еще раз поймал себя на мысли, что на поле боя все воспринималось бы иначе.

— Вроде бы все, — заключила Телида.

Киммериец ничего не ответил, просто смотрел на вдову посла.

— Считаешь, что мне надо объясниться?

— Да.

Сотник старался говорить как можно меньше слов, понимая, что если начнет высказывать все, что думает о Телиде, остановиться ему будет очень сложно.

— Пойдем куда-нибудь, где обстановка не столь гадкая?

— Лучше останемся здесь.

— Твоя воля, сотник, — сказала Телида. Стульев в комнате не было, и она присела на край стола, на котором совсем недавно трудилась над телом Сатти. Длины фартука со спины не хватало, чтобы укрыть платье от крови, но вдова даже не заметила, что запачкала наряд. Жестом она пригласила и Конана присаживаться за «свой» стол. – Давай, не стесняйся. Есть вещи, которые лучше не слушать стоя.

Киммериец не смотря на все безумие ситуации, решил побеспокоиться об одежде. Ходить по Айодхье перепачканным кровью ему не улыбалось.

— Ничего, благочестивая, я как-нибудь так.

— Ладно, слушай, — при этих словах Телида взмахнула рукой. — Когда Сатти пришел ко мне этим утром, он был уже мертв. Что самое печальное, он не сказал ни слова о том, кто его убийца.

— Можешь считать, что пока я тебе не верю.

— Печально, Конан, очень печально. Твое доверие – эта та вещь, на которую я сейчас больше всего рассчитываю.

— Прекрати эти словесные изыски. Ты отлично понимаешь, в каком ты сейчас положении. Я помог тебе разобраться с трупом, а если уж говорить прямо и откровенно, взял на себя часть ответственности за смерть Сатти. Сделал я это лишь по той причине, что считаю, что ты сможешь помочь мне разобраться с моими проблемами, и более того – я верю, что именно так ты и поступишь. Но перед этим ты мне вразумительно объяснишь, зачем мы здесь четвертовали тысяцкого городской стражи, и только потом мы станем говорить о делах.

Закончив монолог, киммериец мысленно похвалил себя за то, что сумел удержаться от ругани и прямых оскорблений.

— Он сам попросил меня об этом.

Иного Конан и не ожидал услышать.

— Подробности, — потребовал он спокойным тоном.

— Не знаю я подробностей! — рявкнула в ответ Телида. — Я была удивлена не меньше твоего. Сегодня примерно на второй колокол, после того, как рассвело, ко мне во дворец пришел Сатти. Слуга, который сообщил мне о его визите, сказал, что тысяцкий требует, чтобы я его немедленно приняла, но в остальном его поведение выглядело абсолютно нормальным.

— Ты интересовалась его поведением? — киммериец обратил внимание на последние слова вдовы.

— Да, — зло ответила женщина. — Чтобы ты знал – у Сатти не было привычки посещать меня рано утром да еще требовать, чтобы я к нему сие же мгновение явилась.

— Ладно, я понял.

— Все нормально. Ты просто уточнил. Как, наверное, догадываешься, мешкать я не стала. Сразу же пошла к нему на встречу. Первое, что он сделал, как меня увидел, попросил, чтобы я отослала слуг и охрану. Когда они удалились, Сатти сказал, что его этой ночью убили.

— Вот так вот спокойно и сказал?

— Представь себе. Никакого волнения и в помине не было, даже голос не дрожал. Смерть его словно и не занимала. О ней он, в общем-то, больше и не говорил. Сатти интересовало то, что случится с ним после. Он попросил меня сделать так, чтобы врагам не досталось его тело.

— Врагам?

— Врагам, сотник. Наш с тобой знакомый употребил это слово, наконец, и он сыскал себе врагов.

— И кого же?

— Не сказал. Он не хотел, чтобы я знала о том, кто его убийцы. Даже стоя на пороге смерти, Сатти опасался открытого противостояния с теми, в чьи планы он залез.

— Видел для себя в этом единственную возможность отмщения? Получается, что имя, которое он не назвал, подтолкнуло бы тебя на скорые действия. По мнению Сатти, результат вышел бы и для тебя, и для него отрицательный.

— Я с тобой согласна. Сатти мог решить, что если эти враги сумели добраться до него, то и другие ниточки, ведущие к ним, очень скоро оборвут. И сделают это тонко и умело. Потому он и молчал. Мы остались ни с чем, но остались живы.

— Мы? Он говорил что-нибудь обо мне?

— Нет, но он не мог не знать, что я расскажу обо всем тебе. Он вообще ни о чем не говорил, кроме своего погребения. Если, конечно, можно использовать это слово. Позволь я тебе все-таки расскажу до конца.

— Конечно.

— Сатти сказал, что его труп надо уничтожить. При этом он просил сделать так, чтобы тело его как можно меньше оставалось целым, и, самое главное, запретил его сжигать.

— И ты решила разрубить его на части и закопать?

— Честно говоря, не совсем так. Да и идея принадлежала не мне. Это сам Сатти предложил порубить его тело, но не закапывать после этого, как ты сказал, а скормить собакам.

— Гадкий конец.

— Он боялся чего-то более неприятного.

— Так что было дальше – он просто свалился замертво или покончил с собой?

— Свалился замертво… Говорил о своем погребении, внезапно замолк и упал. Так странно было. Сначала мне казалось, что все может оказаться большой безумной шуткой. Потом я поняла, что это, увы, правда. Тогда мне словно передалось его предсмертное спокойствие. Я в одиночку дотащила труп до этой комнаты. Хорошо, что на нем не было кольчуги, иначе мне бы одной было не управиться. Не знаю, может кто из слуг меня и видел, но они должны держать рот на замке. Потом я послала Залиль за тобой. Ну, а остальное ты знаешь.

— Ненавижу эту страну, — выругался Конан.

— Я хочу выпить, — сказала Телида. — Сотник, пойдем отсюда. Мешками я займусь вечером.

Киммериец подумал, что выпить бы по такой ситуации стоило. Внезапная и столь необычная гибель Сатти немало ошарашила Конана, еще более неприятными виделись последствия кончины тысяцкого.

— Нет, надо довести дело до конца, — взять верх эмоциям северянин не позволил. — Я не уверен, что среди твоих слуг нет сообщников тех людей, что убили Сатти. Они могут добраться до его трупа. Сначала мы до конца разберемся с останками, потом подумаем, что делать дальше и только после этого выпьем.

— Хорошо, что я позвала тебя, Конан. Мне одной со всем этим не справиться бы.

—— Вдвоем нам тоже будет тяжеловато, — прикинул киммериец. Единственным местом, где спокойно можно было избавиться от тела, ему представлялся квартал Тринадцати Стен. Но путь до него от дома Телиды был неблизкий. — К тому же, ты мне не помощник. Нельзя, чтобы нас видели разгуливающими на пару по Айодхье да еще с непонятным грузом за спинами.

— Хочешь позвать кого-нибудь из своей сотни на помощь?

Киммериец улыбнулся краешком рта – Телида угадала его мысль, но все-таки покачал головой.

— Хочу, но не стану. Я перестал доверять людям. В том числе и своим. Избавлюсь от тела самостоятельно. Но мне нужно много плотной черной ткани, чтобы не было видно крови.

— Не лучше ли все-таки дождаться вечера? Мы бы сами могли присмотреть за телом.

— Нет. Сатти чего-то очень сильно опасался. Я думаю, причин верить ему у нас более чем достаточно. Не будем терять времени. Займись мешками, а я пока покараулю здесь.

Глава 4.
На следующий день после гибели Газила Бхатинда

— И вознесется его дух к небесам, дабы предстать пред очами Тарима и услышать волю Эрлика, что дарует ему жизнь вечную либо же спалит в неугасаемом пламени.

Вслед за этими словами жрец бросил факел на погребальный костер Газила.

— Да получит он очищение, — зашептали стоявшие перед костром солдаты, склоняя голову.

Перед обрядом погребением Газила одели в самые дорогие вещи, что он взял с собой в поход, предварительно тщательно их вычистив. Поверх его нарядили в кольчугу, чтобы не стыдно было показаться воину перед небожителями.

Лишь сабля туранца осталась у Конана. Покойный десятник завещал передать ее своей семье, и сотник оставил за собой эту обязанность. По возвращению из Вендии он собирался вручить оружие младшему брату Газила.

Огонь быстро охватил сухие ветки и возлежавшее на них тело десятника. От жара было больно поднять глаза, но Конан, как и многие туранцы, через боль смотрел на то, как отправляется в свой последний путь самый странный из его десятников: гордец и смельчак, чья слава о жестокости долго останется непревзойденной.

Жрец тем временем читал молитву на гирканском. Часть солдат повторяла слова вслед за ним. На похороны Газила их пришло немало: дело, разумеется, было не в том, что десятника многие любили – его ненавидели, просто было тяжело поверить, что такой человек мог умереть.

Киммериец и сам поражался тому, сколь глупо погиб Газил. Но он искренне сожалел о смерти десятника.

Конан не успел с ним близко сойтись за время пути в Вендию, но вот понять, что многое сказанное в его адрес – наговоры, успел. Газил был чрезмерно строг к себе и окружающим, но сумасшедшим, каким его рисовали многие рассказчики, он не был.

— И смерти он заслуживал другой, — прошептал себе под нос сотник.

Обряд проходил во дворе двухэтажной постройки неизвестного назначения, в которой поселили отряд туранцев на время пребывания в Бхатинде. Раньше в этом здании то ли жил некий знатный кшатрий, то ли располагался храм одного из вендийских богов – Конан не уточнял, но сейчас оно служило чем-то вроде бесплатного постоялого двора для таких вот странников.

Раджа Бхатинды был несколько удивлен просьбой туранцев разместить их в городе на несколько дней и явно испытывал неудобство от того, что ему пришлось устроить гостей в жилище, явно не соответствующему их статусу, но других попросту не было.

Но вымотавшимся солдатам не было никакого дела до пыли, грязных постелей и полуразвалившихся стен. Змей в доме нет – значит, жить можно. Шеймасаи, к удивлению киммерийца, не только согласился с исходившим от Конана предложением отдохнуть пару дней, но и сам не перебрался во дворец к радже, а остался жить вместе с солдатами.

Посол занял самую большую комнату дома, предварительно заставив ее тщательно убрать. После этого действа его новое жилище обрело вполне приглядный вид.

На обряд погребения Шеймасаи не пришел. Сказал, что ему не нравится запах жареного человеческого мяса.

Это сообщение он передал Конану через одного из солдат, заодно, наказал сотнику зайти к

нему сразу же после окончания обряда. Киммериец с радостью бы проигнорировал эту просьбу: сначала он собирался заняться назначением нового десятника вместо погибшего Газила, если бы не был уверен, что Шеймасаи сейчас смотрит за ним из окон своей комнаты.

Ослушаться посла означало испортить с ним отношения до такой степени, что несколько следующих дней он бы стал делать все исключительно назло киммерийцу.

— Обождите меня у себя, — киммериец подошел к Амьену, после того, как последняя молитва была произнесена. Этого немолодого товарища Газила он как раз и собирался сделать новым десятником. — У меня дело к послу. Как только освобожусь, я сразу же зайду к вам.

Конан кинул последний взгляд на остатки погребального костра и тихо произнес:

— Да получит он очищение.

После этого размеренной походкой киммериец направился ко входу в дом

Шеймасаи жил на втором этаже. Его комната изначально, еще до грандиозной уборки, устроенной туранцем, выглядела наименее побитой временем, и была чуть ли не единственным помещением, которое хорошо проветривалось. На первом же этаже царила вообще невообразимая духота.

Единственным, но весьма существенным, по мнению киммерийца, минусом верхних помещений были очень низкие потолки. Конану приходилось на втором этаже то и дело наклонять голову, чтобы обо что-нибудь не удариться.

Шеймасаи от этого маленького неудобства, невольно доставленному им высокому киммерийцу, явно получал удовольствие.

Присесть сотнику он, во всяком случае, не предложил.

— Все прошло нормально? — спросил посол у Конана.

— Имеете в виду погребение? — уточнил киммериец. Шеймасаи кивнул. — Да, все было исполнено согласно традиции. А что могло быть не так?

— Мне кажется, среди твоих людей найдется немало тех, кто с радостью плюнул бы на погребальный костер этого изверга.

Северянин решил никак не реагировать на замечание посла, отпущенное в адрес покойного десятника. Показывать злость – только тешить самолюбие Шеймасаи.

— Если бы подобное случилось, виновные были бы подвергнуты самому строгому наказанию. Истинный почитатель Эрлика обязан относиться к покойным с уважением.

— Тем более, солдат?

— Совершенно верно. Тем более, солдат.

Шеймасаи потянулся. Кресло, в котором он сидел, скрипом отреагировало на это движение посла.

— Вот мы и подошли к основному вопросу, – сказал туранец. – Солдаты и их честь… Можешь присаживаться. Тебе с твоим ростом не очень-то удобно здесь стоять.

Киммериец придвинул к себе ближайший стул и уселся на него, положив руки на колени и чуть подавшись вперед.

— Я слушаю, — сказал он.

— Я догадываюсь, по какой причине ты попросил меня об остановке. Не надо мне лжи о том, что твои солдаты устали, или, что тебя беспокоит мое здоровье. Все это побасенки. Ты ждешь, когда люди раджи найдут убийц Газила. Хочешь посмотреть на их казнь?

— Хочу, — Конан не стал отрицать очевидного.

— Не выйдет, — покачал головой Шеймасаи. — Я уже просил раджу отложить поиски разбойников, но он хочет, чтобы и ты отказался от своей первой просьбы об их немедленной поимке.

— Достойный человек. Знает цену своим обещаниям.

Конан специально ничего не сказал о том, что он думает о происках Шеймасаи и о его дальнейших планах. Он не собирался помогать послу, равно как и открыто противодействовать.

— Сотник, напомни-ка мне о своей задаче.

— Препровождение вас в Вендию для представления интересов Туранской Империи. Ваша безопасность.

— Моя безопасность, — рассмеялся Шеймасаи, показывая, во что он ставит заинтересованность киммерийца в его благополучии. — Это само собой разумеющееся. Вот только, к сожалению, на твоих плечах лежит и еще одна не менее важная задача. Ты тоже представляешь интересы Турана, ты – офицер туранской армии. Справляешься ты с этой задачей из рук вон плохо. Но окончательно опозориться я тебе не позволю.

— Слова. Пустые слова.

— Не смей дерзить мне, сотник. Я пытаюсь спасти нашу честь.

Конан выразительно хмыкнул.

— Ты хоть представляешь, как со стороны выглядит твоя попытка поквитаться с убийцами? Благородство, долг перед убитым товарищем. Это движет твоими поступками? Солдаты тебя тоже, наверное, поддерживают?

— Наверное, — сквозь зубы произнес киммериец.

— Идиоты! А ты — главный идиот! Вы – сотня почетного сопровождения, символ мощи туранской армии. Одно то, что ты потерял двух людей, – уже удар по престижу нашей страны. А теперь ты показываешь, что этот укол, нанесенный нам разбойниками, что-то для нас значит. Лучшие туранские воины ждут, пока для них выловят каких-то головорезов. Весть об этом, думаю, очень быстро дойдет до Айодхьи.

Киммериец задумался. В словах Шеймасаи крылся определенный смысл. Посол, конечно, сгущал краски, но Конан много слышал о хитросплетении политических интриг в Вендии, и могло оказаться так, что задержка в Бхатинде будет истолкована именно столь превратным образом.

— Кроме того, — посол истолковал молчание киммерийца, как отказ принять его предложение, — если ты не поговоришь с раджой, я просто отдам приказ продолжить путь немедленно. Ты хочешь, чтобы твои люди остались без отдыха?

— Хорошо, я поговорю. Попрошу, чтобы поиски отложили до того дня, как мы снова отправимся в путь.

— Я рад, что часть мозгов ты все-таки сохранил. А теперь иди. Не забудь до окончания дня нанести визит радже.

— Не забуду.

Уходил киммериец от посла не в лучшем расположении духа. Шеймасаи очень умело поставил его на место и, что самое неприятное, похоже, по делу.

Теперь еще предстояло объяснить все солдатам. Им будет куда тяжелее понять, почему они не смогут насладиться заслуженной местью. Особенно трудным разговор получится с людьми Газила, они-то своими глазами видели, как киммериец обнаружил убежище убийц, но сначала почему-то пощадил их, а потом и вовсе отказался от идеи расплаты.

Сейчас Конан и сам считал, что проявил тогда в джунглях малодушие. Казнь надлежало совершить сразу же на месте. Какими бы омерзительными существами ни были идолопоклонники, клинки туранцев не заржавели бы от их крови.

Киммериец точно не знал, сколько солдат знало о том, что та вылазка в джунгли не была безрезультатной. Наверняка кто-то из десятка Газила обмолвился об обнаруженном там храме, тем более, Конан не просил специально никого молчать

Придется теперь говорить солдатам вечные слова об интересах Турана.

— Сотник, вы освободились? — стоило киммерийцу спуститься на первый этаж, как он тут же натолкнулся на Амьена.

— Да, идем.

Киммериец и туранец направились в комнату, в которой разместился десяток покойного Газила. Судя по вопросу Амьена, все солдаты уже собрались и ждали лишь сотника.

— Будь готов принять на себя руководство, – тихо сказал сотник Амьену, когда они уже подошли к самым дверям.

— Я понял, — столь же тихо ответил туранец.

Стоило Конану и Амьену войти в комнату, как все солдаты, находившиеся в ней, мгновенно встали. Выучка и дисциплина у людей Газила была лучшей в сотне.

— Садитесь, — махнул рукой киммериец. — Ты, Амьен, тоже садись.

Сам северянин остался стоять.

— Нам предстоит решить два вопроса, — продолжал он. — Во-первых, вы потеряли двух людей. Ваш десяток сократился. Я хочу узнать, считаете ли вы, что я должен перевести к вам еще одного солдата?

Амьен поднялся со своего места.

— Сотник, этот вопрос мы уже обсудили, — сказал он. — И все решили, что новый человек нам не нужен. Мы справимся с любой задачей, которую вы поставите.

— Приятно слышать, — честно сказал Конан. — У меня тоже нет никакого желания дробить десятки. Тогда перейдем ко второму вопросу. Я хочу, чтобы вашим новым десятником стал Амьен. Решать, разумеется, буду я, но ваше мнение важно для меня. Есть возражения против Амьена?

Никто не произнес ни слова.

— Значит, нет, — подытожил киммериец. — Амьен, ты готов возглавить десяток?

— Да, если прикажите.

— Приказываю. До сегодняшнего вечера я доведу свою волю и до оставшихся солдат. Продолжайте исполнять свои обязанности.

И вновь весь десяток поднялся на ноги, провожая своего командира.

Северянин улыбнулся уголком рта на прощание, показывая свое расположения. Про себя же он в этот момент решил, что скажет об отказе от мести за Газила и Осанна только после того, как поговорит с раджой.

Именно к нему киммериец сейчас и собирался.

Конан считал, что старик раджа вряд ли обрадуется тем словам, с которыми он к нему придет. Правитель Бхатинды не отличался велеречивостью или изысканными манерами, плохо изъяснялся на туранском и сильно стеснялся из-за этого, однако при этом он казался киммерийцу человеком честным, привыкшим доверять скорее клинку, нежели словам.

И он полагал, что туранцы имеют полное право на месть.

Киммериец при мысли о предстоящем разговоре лишь помянул про себя Крома: неприятный он получится, в этом можно было не сомневаться.

Выйдя на улицу и пройдя уже почти половину пути до дворца правителя Бхатинды, Конан вспомнил, что времени с рассвета прошло не так и много. Жрец Эрлика начал обряд погребения практически с первыми лучами солнца. И хоть молитвы заняли не один колокол, но время еще, несмотря на то, сколько событий уже успело произойти за это утро, было еще раннее.

В Туране у сановников разного ранга первая половина дня отводилась для решения срочных дел: политических, экономических, судебных и прочих. Посетителей же принимали только после того, как солнце минет высшую точку на небосклоне, а что чаще – ближе к вечеру.

Конан находил подобное устройство дня весьма разумным, позволявшим не дать

перепутаться всем возможным начинаниям.

Какие же порядки были заведены в Вендии, он не знал. Спросить, кроме как у Шеймасаи, было не у кого. Немного поразмыслив, киммериец решил чуть-чуть отложить свой визит к радже. В любом случае, явиться столь рано означало бы показать свое неуважение к правителю, а Шеймасаи прямо обозначил срок, в который должен уложиться сотник: поговорить с раджой до окончания сегодняшнего дня.

Так что, время еще оставалась. Конан подумал, что небольшую его часть можно было бы потратить лично на себя, а именно зайти в трактир (или как его называют вендийцы?) и перекусить.

Сотник расспросил местных жителей о том, где можно найти такое заведение. Вендийский язык он знал еще не идеально, а потому поняли его не с первой попытки, но до жестов Конан опуститься себе не позволил.

Трактир, как выяснилось, располагался у самого въезда в Бхатинду со стороны заката. Отряд должен был проезжать мимо него вчера, когда прибыл в город. Вскоре выяснилось, почему тогда киммериец не обратил на трактир внимания: никакой вывески на здании не было. Если бы не отголоски запахов, доносившихся изнутри, да подробное описание пути горожанами, киммериец рисковал второй раз пройти мимо него.

Народу внутри было всего ничего: хозяин и два посетителя.

Вот только одним из посетителей неожиданно оказался Бернеш!

Десятник заметил Конана и махнул ему рукой.

— Сотник, присаживайся ко мне!

Киммериец не видел причин ему отказывать. Вот только удивился он немало, увидев, чем занят стол Бернеша. На нем красовалось два пустых сосуда из-под вина, немалого объема, которые никто не спешил унести, и третий, из которого десятник пил в настоящий момент. Никакой еды не было.

— Что это с тобой? — спросил киммериец, присаживаясь на лавку.

Бернеш склонности к пьянству никогда не имел. И вообще казался Конану одним из самых полезных людей в сотне.

Единственные претензии к нему были, из-за того бастард слишком многое позволял своим людям. Бернеш несколько расширял для них правила, установленные киммерийцем: когда была возможность, давал побольше выспаться, разрешал меняться сменами при дежурстве и тому подобные мелочи. Проблем из-за них никогда не возникало, но излишние проявления свободы могли плохо сказаться на дисциплине во всей сотне.

Киммериец пару раз жестко отчитывал Бернеша за то, что тот не поддерживает установленного порядка. Десятник с Конаном не соглашался, что он делает что-то не так, но под угрозой разжалования уступил и ужесточил дисциплину. Немного.

Спорить до конца с Бернешом северянину не хотелось, а тем более осуществлять свою угрозу. Туранец, несмотря на молодость, уже имел за плечами большой опыт схваток с горцами и пиратами, и при этом отличался завидным умом. Практически на каждом собрании командующих десятками, которые проводил Конан, устанавливая задачи для сотни на предстоящие дни, именно Бернеш предлагал решения для тех вопросов, что ставили большинство в тупик.

Бастард для сотни был просто незаменим.

А проблемы с дисциплиной были не такими уж и большими… до сегодняшнего дня.

— У меня поминки, сотник, — сказал Бернеш.

Он протянул киммерийцу сосуд.

— Присоединяйся, — добавил десятник, поняв, что северянин не спешить принять из его

рук вино. — Ты был чуть ли не единственным, кто нормально относился к Газилу. Выпей! Надо помянуть его дух. Газил был достойным человеком.

Подумав немного, Конан все-таки взял вино.

Он не помнил, чтобы между Бернешом и Газилом была особая дружба: покойный десятник со всеми держал себя ровно.

— Ты хорошо его знал? — спросил киммериец.

— Не очень, — сказал Бернеш. — Газила никто хорошо не знал.

Конан ждал, что туранец продолжит фразу, но десятник молчал.

Он взял назад у киммерийца сосуд с вином и стал пить. Не жадно. Аккуратно, делая небольшие глотки. Но никак не мог остановиться.

Наконец напившись вдоволь, Бернеш отставил вино в сторону. Он сидел, опершись локтями о стол, обхватив руками голову, и молчал.

— Я не понимаю, — произнес киммериец.

Сказанное относилось ко всей ситуации, а не к предыдущим словам десятника.

— Я тоже, — отозвался Бернеш. — Сотник, я ведь почти не сомневался, что Газил очень скоро умрет. И мне ужасно больно от того, что я оказался прав.

Конан не знал, как воспринимать признание туранца: был ли этой пьяный бред, или же Бернеш, и в самом деле, о чем-то догадывался.

— Ты спрашиваешь, знал ли я его, — на этот раз пауза между фразами десятника не затянулась. — Мы с ним пересекались несколько раз во время предыдущих кампаний. Так вот – это был другой человек. Тот Газил, которого ты знал, делал все, чтобы соответствовать своему раннему образу, но все равно чувствовалось, что что-то с ним не так.

— Объясни нормально, что ты имеешь в виду, — потребовал Конан. — Ты уже много выпил, и потому говоришь невероятно путано.

— Хорошо, постараюсь, — улыбнулся Бернеш. — Газил относился к самому себе не просто требовательно, запредельно требовательно. Он никогда не отступал от приказов, не нарушал дисциплины и еще соблюдал уйму правил, которые установил сам для себя. Как есть религиозные фанатики, так и Газил был фанатиком от военного дела. Его служба была его жизнью и наоборот. Он не понимал, как солдат или офицер может жить иначе. Потому и со своими подчиненными он обходил жестко. Он не получал никакого удовольствия, наказывая их, ему просто хотелось добиться от них такого же отношения к службе, что было у него самого.

— Я знаю все это, — сказал киммериец. — Когда я призывал Газила в сотню, то не сомневался в том, что разговоры о его ненормальности – бред. За время похода я лишь утвердился в этой своей оценке.

— Ты не понимаешь, — замотал головой Бернеш. — Как раз в этом-то походе с Газилом и случилось что-то непонятное. Да, он вел себя как обычно, но меня не оставляло ощущение, что ему уже на все наплевать. Он вел себя, как смертельно больной человек, который до конца не хотел, чтобы кто-то знал о его недуге.

— С чего ты взял?

Киммериец ничего такого в поведении покойного десятника не замечал.

— Мелочи, — ответил Бернеш. — Были в его поведении мелочи, которые наводили на подобную мысль. Например, Газил очень не любил рисковать. Он ставил себя очень высоко, почитая себя хорошим воином и неплохим стратегом, тем, кто принесет войску пользу, действуя из глубины, когда есть возможность обдумать ситуацию, а не принимая удар грудью на передовой. С командирами своими Газил никогда не спорил, однако почти всегда получалось так, сколько я помню, что на опасных участках его люди воевали очень редко. А во время нашего похода десяток Газила находился в авангарде или в арьергарде столько же, сколько и другие.

— Надумано это, — совершенно серьезно сказал Конан.

Он лично составлял план передвижения сотни и не видел в исполнении самым дисциплинированным из его десятников прямых приказов чего-то странного.

— Может быть, — пожал плечами Бернеш и вновь выпил вина. — Я только говорю то, что думаю. У меня было ощущение, что с Газилом может случиться что-то нехорошее, и оно исполнилось. Потому мне сейчас особенно гадко.

— Послушай мой совет, — киммериец сделал особый акцент на слово «совет», давая понять, что до приказа остается один лишь шаг. — Прекращай пить. Вина, чтобы помянуть товарища, ты влил в себя уже достаточно. Излишки не идут тебе на пользу.

— Ты прав, сотник, — неожиданно легко согласился Бернеш. — Сейчас, только вот оставшееся допью, и все. К вечеру я буду в полном порядке.

— Надеюсь на это. За людьми твоими я, на всякий случай, пока присмотрю лично. Когда сможешь нормально командовать, только тогда и приступишь к обязанностям.

Киммериец хлопнул по плечу Бернеша и вышел из трактира, так и не перекусив.

Его удивляла реакция десятника на смерть Газила. Стрелу от разбойников мог получить любой из туранцев. Просто не повезло именно Газилу. А то, что он изменился: даже если это были не выдумки, то, все равно, ничего странного в этом не было – людям ведь свойственно меняться со временем.

Гибель Газила была глупой, но не странной, а вот поведение Бернеша вызывало определенные опасения.

Глава 5.
Второй день расследования
Центр Айодхьи

На то, чтобы избавиться от тела Сатти, у Конана ушло почти четыре колокола. Когда киммериец покидал квартал Тринадцати Стен, солнце уже выходило из зенита. Палило беспощадно.

Но на жару киммериец внимания почти не обращал. Его мысли занимали другие вещи.

В первую очередь киммерийца беспокоила возможная слежка. Направляясь от Телиды в район, занятый неприкасаемыми, северянин во все глаза высматривал, не пристроился ли за ним какой наблюдатель. И хоть никого обнаружить он не сумел, все равно, волнения унять не получалось.

В самом квартале Тринадцати Стен тоже пришлось изрядно повозиться и понервничать. Развязывал мешки и «прикармливал» собак киммериец лишь тогда, когда был уверен, что рядом нет никого из неприкасаемых. Основная проблема заключалась в том, что таких спокойных мест было не так и много, а рисковать и избавляться от тела за раз Конан не хотел. Множество изрубленных костей, если бы их обнаружили в одном месте, могло бы навести стражу на определенные размышления.

Так что киммериец, нигде подолгу не задерживаясь, прохаживался из конца в конец по кварталу, постепенно опустошая мешки.

В результате, когда последние кости тысяцкого были обглоданы четвероногими обитателями Айодхьи, настроение у Конана успело испортиться окончательно: он не верил, что не допустил ни одной ошибки, способной навести власти на его след. Кроме того, его одолевали сомнения в правильности сделанного им выбора.

Решение помочь Телиде было скорее интуитивным, принятым на волне душевного порыва, а не по здравому размышлению. Любой нормальный человек на месте Конана немедленно доложил бы о гибели Сатти стражам. Но тогда он бы потерял последнюю возможность разобраться в происходящем: кроме Телиды, у киммерийца не было знакомых, способных рассказать ему о силах, разыгрывающих в Айодхье свою партию. Конечно, еще оставалась верная подруга Рамини, но она прямо заявляла, что сделает все, чтобы уберечь Конана от опасности, а это значило, что о многих важных вещах она будет молчать.

Но была еще одна причина у недовольства северянина: вновь проявила себя тень. Незадолго до того, как работа Конана в районе неприкасаемых подошла к концу, она показалась киммерийцу на стене одного из домов. На этот раз тень не просто допустила ошибку, случайно выдав свое присутствие, она открыто демонстрировала себя Конану.

Повисев немного, убедившись, что не осталась незамеченной, она снова укрылась в переплетении других теней. После этого она еще несколько раз показывалась на глаза киммерийцу, причем выбирала для этого такие места, где, кроме Конана, ее различить было некому.

Утешало лишь то, что приблизиться к северянину ближе, чем на двадцать шагов, тень все еще опасалась. От роли соглядатая это существо, как выяснилось, не отказалось, но вот убийцы из него, к счастью, пока получиться не могло.

Тем временем перед Конаном встал вопрос, который предстояло разрешить немедля. С

трупом было покончено, мешки, в которых он хранился, также благополучно были выкинуты. То есть последняя воля Сатти была исполнена, и теперь у Телиды не оставалось никакого иного выхода, кроме как выложить начистоту все, что ей известно. В противном случае, серьезных неприятностей со стороны киммерийца ей было не избежать. И вот в такой ситуации Конана одолевало огромное искушение немедля отправиться к вдове и потребовать от нее ответов на вопросы обо всех случившихся в Айодхье убийствах, начиная с гибели ее мужа и заканчивая смертью Сатти. Но если за киммерийцем все-таки следили, подобная поспешность была бы ошибочной: наблюдатели лишь утвердились бы в мысли, что Конан и Телида затеяли какую-то свою игру.

— Кром! — выругался северянин, внезапно осознав, что не видит очевидных вещей. — Один-то соглядатай у меня точно есть.

Тень упорно не желала оставлять киммерийца в покое и, вообще, постоянно напоминала, что именно она и есть главный враг и одновременно главная проблема северянина.

Конан решил, что лишь избавившись от тени раз и навсегда, он сможет оказаться со своими противниками в равных условиях.

Победить тень, по его мнению, можно было двумя способами: с помощью какого-нибудь сильно ядовитого отвара либо использовав магию. Травы свою эффективность уже доказали. Отвар Аямала не позволял тени приблизиться к киммерийцу. Можно было бы попытаться упросить алхимика изготовить смесь, способную прикончить тень. Но киммериец сомневался в разумности такого решения: без Сатти у него не было реальной возможности подействовать на Аямала. А других знакомых мастеров у киммерийца не было.

С магией дело обстояло еще хуже. С одной стороны, Сатти предупреждал Конана, что магическое разрушение тени может обернуться смертью всех присутствующих при обряде. С другой, даже если бы северянин решился рискнуть, обратиться за помощью опять же было не к кому.

Хотя был один вариант…

Но Конан решил пока с ним не торопиться. Тень наблюдала за ним, но можно было и ему попытаться повнимательнее понаблюдать за ней. Тем более что она решила не таиться. В первую очередь киммерийца интересовало, будет ли тень от него отлучаться или продолжит сопровождать его все время. Конану казалось, что Сатти ошибался, предполагая, что тень может общаться на расстоянии с человеком, пославшим ее. Еще тогда во время разговора в квартале Тринадцати Стен киммериец подумал, что идея эта весьма сомнительная, а за последнее время еще больше утвердился в этой своей мысли.

Тень слишком напоминала своим поведением обыкновенное живое существо. Она представлялась киммерийцу чем-то вроде хищника, но хищника думающего и наделенного сверхъестественными возможностями. Ему казалось, что имей она возможность обмениваться со своими хозяевами мыслями, то повадки у нее были бы иные. Конечно, предположение это основывалось скорее на интуиции, чем на фактах, но Конан своему предчувствию привык доверять.

Наконец, окончательно расставив приоритеты в своих ближайших действиях, киммериец направился к казармам. Визит к Телиде он решил отложить до вечера.

Сейчас предстояло разобраться с тем, что происходит в сотне. А в том, что что-то происходило, он не сомневался.

Сатти навел киммерийца на мысль, что среди его солдат есть те, кто знает намного больше, чем говорит. Возможно, кто-то из них был причастен непосредственно к раздвоению личности Хамара. Кроме этого, не стоило забывать и того, что Шеймасаи рассказал об Амьене. О его связях с фансигарами.

Конан злился на себя, что так долго не обращал внимания на ситуацию с Амьеном. Мало того, что новоиспеченный десятник встречался со слугами Кали, он встречался с ними в квартале Тринадцати Стен! В месте, которым, по словам Телиды, некоторое время назад интересовался покойный ныне Сатти, которого всерьез занимали только самые трудные головоломки. Одно это должно было подтолкнуть киммерийца к действиям. Даже если это было простое совпадение.

Теперь же Амьен исчез в неизвестном направлении. Вместе с ним могла исчезнуть и ниточка к фансигарам, в непричастность которых к ситуации с Хамаром, Конан не верил.

Пусть от проблем шла кругом голова, но можно же было выделить хотя бы четверть колокола на беседу с Амьеном! Тогда, может, и не пришлось бы сейчас думать над тем, с какой стороны лучше подступиться к поиску заговорщиков в сотне.

Хотя беда была не только с пропавшим Амьеном. В последние дни киммериец совершенно забыл о своей обязанности руководить сотней. Он не отдавал никаких новых приказов, не собирал десятников, не интересовался проблемами. Дела были просто пущены на самотек.

Сейчас было бы хорошо поговорить с кем-нибудь из десятников или простых солдат и узнать, что за настроения царят в сотне, о чем говорят люди. Вот только киммериец никому не доверял настолько, чтобы принять его слова на веру. А позволить ввести себя в заблуждение было бы смертельной ошибкой.

Поэтому Конан решил провести общее собрание десятников. Большинство из них, если не все, были преданы ему и Турану. Значит, скорее всего, ни слова лжи на собрании не прозвучит. Но и на особую откровенность киммериец не рассчитывал.

Но надо же было с чего-то начинать.

У ворот казарм, как и положено, стояло двое стражей. Сегодня за безопасность отвечали люди из десятка Джана.

Поприветствовав солдат, киммериец прошел внутрь. Он уже хотел попросить одного из воинов собрать вместе всех десятников, как к нему подошел, практически подбежал, Хасан. Следом за ним возник и Масул.

— Сотник, нам надо поговорить, — сказал Хасан.

Вот вам и надежда провести общее собрание и обойтись без тайн и лжи!

— Конечно, — кивнул Конан. — Пошли в трапезную. Нас там не побеспокоят.

Киммериец сам первым двинулся в направлении лестницы. Двое туранцев молча проследовали за ним. Встреченных перед входом в трапезую слуг, которых для удобства солдат отрядил в казармы раджа Нараин, он попросил покараулить снаружи и никого не впускать. Впрочем, и без того вряд ли кто-нибудь поднялся бы сюда.

— Устраивайтесь, — киммериец сам уселся в кресло во главе стола, указывая десятникам на скамью по правую руку от него. — О чем вы хотели со мной поговорить?

Одновременно Конан вскользь пробежал глазами по стенам. Но нет, тени в комнате не было. Помещение было не настолько большим, чтобы она могла находиться в нем, не подпадая под действие репилента.

— Мне кажется, что скоро у нас будут неприятности, — начал Хасан. После этих слов он взял небольшую паузу, ожидая реплики киммерийца, но тот промолчал, и туранец продолжил. — Солдаты говорят, что стражи на них как-то нехорошо смотрят. Кому-то даже кажется, что не только стражники, но и все вендийцы держатся с ними несколько иначе, чем раньше.

— Вы с ними согласны? — спросил Конан у своих десятников.

— Что-то чувствуется такое в воздухе, — сказал Хасан.

Услышь северянин эту фразу от кого другого, он бы немедля высмеял его. К словам же пожилого туранца он отнесся с уважением. Воин, доживший до лет Хасана, просто обязан был

обладать хорошей интуицией и имел полное право на нее опираться.

— А ты что думаешь, Масул? — поторопил Конан султанапурца.

Тот не спешил с ответом.

— По-моему, поменялось не отношение стражи, – в итоге сказал он. – Они, скорее, получили какой-то нечеткий приказ. Вроде, обязанности повнимательнее приглядывать за нами. Словно мы не совершили что-то незаконное, а только собираемся это сделать.

— Просто замечательно, — выдохнул киммериец.

— И еще кое-что, — сказал Масул. — Мне очень не нравится, что подобное внимание к нам возникло не в тот момент, когда вендийцы узнали, что их браминов резал Хамар, а уже после его казни. Я не вижу повода, чтобы интересоваться нами. А вендийцы видят, и значит это то, что, скорее всего, он есть.

— Знать бы только какой, — грустно произнес Хасан.

Конан же отлично знал, какая причина была у этой заинтересованности. Еще вчера Сатти предположил, что власти могут очень скоро прознать про встречу Амьена с фансигарами. Похоже, что его опасения подтвердились. Оставалось лишь дождаться того момента, когда власти Вендии дадут делу ход.

— Желаете угадать, что у вендийцев в голове? — печально улыбнулся Конан. — Пустое занятие. Даже если вы правы, и у властей есть реальный повод подозревать нас в чем-то, то повода для обвинений у них нет точно. В столице за последнее время не произошло ничего существенного.

— Они, скорее всего, думают не о том, что случилось, — сделал вывод Хасан, — а о том, что только может случиться.

— А вот это предотвратить уже в наших силах, — заверил его Конан. — Вы говорите, что стражи нас в чем-то подозревают. Я вам верю. У меня нет никаких оснований не доверять вашему опыту. Еще я уверен в том, что каждому из десятников под силу проследить, чтобы никто из его людей не делал глупостей.

Самым плохим вариантом киммерийцу виделся тот, при котором Амьен попал в руки стражей. Им не составило бы никакого труда выведать все про его отношения с фансигарами. Это известие нанесло бы серьезнейший удар по репутации Турана. Единственное, что можно было сделать – проследить за тем, чтобы больше ни один солдат Илдиза не касался вендийских интриг.

— Вся сотня в казарме? — спросил у десятников Конан.

Хасан традиционно оставался старшим в его отсутствие и должен был знать все о перемещениях солдат по городу.

— Да, я собрал всех здесь, — ответил Хасан. — После того, как пошли разговоры о странном поведении вендийцев… После того, как я сам убедился, что это не выдумки! Я отдал приказ никому не покидать пределов нашего дома.

— То есть все здесь? — на всякий случай, переспросил киммериец, пытаясь не выдать своего удивления.

— Да, все солдаты, прибывшие в Айодхью. Кроме покойного Хамара. И еще двое из десятка Джана дежурят у ворот.

— Этих я видел, – ответил Конан. — Хорошо, что все здесь. Ты правильно все сделал, Хасан. Вы молодцы с Масулом, что сразу подошли ко мне с этим разговором. А сейчас дайте мне чуть-чуть подумать в одиночестве. Я спущусь вниз. Соберем оставшихся десятников, еще подумаем над тем, как нам лучше будет поступить.

— Сотник, — оба десятника поднялись с лавки и слегка склонили головы в знак почтения.

— Идите, — еще раз повторил он и для убедительности махнул рукой.

Подумать северянину и впрямь было над чем. Меньше всего он ожидал, что после слухов о связях с фансигарами и суточного отсутствия Амьен решит вернуться в казармы.

Конан, по правде говоря, почитал его уже мертвецом. Если пожилой туранец сам по себе не был значимый фигурой, хоть и такого варианта исключать было нельзя, он мог представлять опасность для фансигаров. Оставалось лишь удивляться тому, что они еще не расправились с ним.

Хотя о фансигарах говорили, что они истинные мастера интриг. Могли ли они специально сделать так, чтобы Амьен целый и невредимый вернулся в сотни и чтобы до поры до времени до него никто не добрался? Могли, вполне могли. Оберегали его до того момента, пока властям не стало известно, что туранец встречался с почитателями Кали. Тогда становилось совершенно очевидным, почему стражи столь подозрительно смотрели на солдат царя Илдиза. Фансигар в стане «заклятого друга» с заката – идеальная основа для будущего конфликта.

Но тогда Амьен не должен был знать ничего о фансигарах, не иметь к ним совершенно никакого отношения, иначе он, все равно, представлял бы для убийц опасность.

Разрешить сомнения можно было лишь одним способом, и киммериец решил не откладывать его на потом.

Он вышел из трапезной, сбежал по лестнице на первый этаж, по пути чуть не сбив слугу.

Комната Амьена располагалась неподалеку от покоев самого киммерийца. Каждый десятник имел в своем распоряжении отдельное помещение.

Чуть успокоившись и перейдя на шаг, Конан добрался до нужной комнаты.

Дверь оказалась не заперта.

Внутри обнаружился Амьен. Он лежал на спине поперек кровати.

Сначала киммерийцу показалось, что он мертв. Но уже спустя несколько мгновений Конан понял, что ошибся. Грудь десятника то поднималась, то опускалась. Он был жив, просто спал.

Притворив за собой дверь, северянин подошел к кровати.

— Вставай! Просыпайся!

Теребить Амьена не пришлось. Слов оказалось достаточно. Десятник проснулся.

Потянувшись, он подгреб под себя ноги и уселся на кровать. Взгляд, которым он одарил Конана, показался киммерийцу каким-то замутненным.

— Где я? — спросил туранец.

Конан только собрался ответить, как Амьен задал свой второй вопрос.

— Кто я?

— Как же все просто! — поздравил себя с запоздавшей догадкой киммериец. — Вот почему они его не убили. Вместо того, чтобы самим что-то с ним сделать, они переложили эту задачку на нас.

— О чем ты? Кто ты такой?

Тут Амьен увидел лежащий на столике рядом с кроватью кинжал и потянулся к нему. Конан уже не успевал его остановить. Но никакого злого умысла у десятника не было. Он схватился открытой ладонью за лезвие. Порезался, отбросил кинжал и тут огласил комнату пронзительным визгом.

Но и без этой демонстрации посетившего Амьена недуга безумия Конану было понятно, что туранец не притворялся. Конечно, маги Шеймасаи проверят сознание десятника, но это была лишь формальность.

На руках у киммерийца был полоумный десятник, которого обвиняли в связях с фансигарами. Ко всем проблемам Конана добавлялась еще одна.

Глава 6.
За день до похода в Вендию
Аграпур, таверна «Золотой бык»

— Тебя можно поздравить с удачным назначением. Вернувшись из похода, не сомневайся, получишь повышение. Тысяцкий Конан, правда, красиво звучит?

Сидевший перед северянином человек был немолод. Его густые черные волосы уже начинали седеть. Лоб покрывало множество морщин.

— Звучит-то красиво, — согласился Конан. — Только надо еще вернуться. И желательно победителем.

— Интересно, очень интересно, — произнес ветеран. — Какая может быть победа, когда на тебя возложена самая что ни на есть мирная миссия? А раз прозвучало слово «победа», то, наверное, ты и возможность «поражения» учитываешь. Что-то я совсем ничего не понимаю.

— Не разыгрывай представление, Зем, — попросил собеседника Конан. — Ты отлично знаешь, почему я тебя сюда пригласил. У меня есть ощущение, что в скором времени мне будет не продохнуть от неприятностей.

Ветеран по-доброму рассмеялся и положил себе в рот небольшой кусочек рыбы с пряностями с тарелки, что лежала перед ним. После чего запил рыбу двумя глотками дорогого зингарского белого вина.

— Ты не только невероятно везуч, — сказал человек, которого киммериец назвал Зем, — но еще и умен.

— Умен? — теперь была уже очередь киммерийца смеяться. — Был бы я умен, то отказался бы от предложения Илдиза и мчался бы, не жалея лошадей, куда-нибудь в Коф или в Стигию. Хотя нет: сначала согласился бы, а потом, все равно, умчался.

— И кому ты признаешься в столь крамольных мыслях? — ответил Зем. — Одному из высших офицеров тайной службы Турана. И как тебе не страшно?

— Я тебя знаю, — пожал плечами Конан. — И что куда более важно: ты знаешь меня.

— Авантюрист – вот ты кто, — без всякого сожаления заявил ветеран. —Однажды настанет день, и ты покинешь нашу страну. Не сказав никому ни слова, и, возможно, прихватив с собой на память что-нибудь из дворцовой сокровищницы. Но не потому что ты испугаешься какого-нибудь непосильного задания, а просто потому что тебе станет скучно.

— Я же говорю. Ты меня знаешь.

Конан понимал, что все сказанное Земом чистая правда. Однажды ему наскучит служить Турану, исполнять обязанности сотника или тысяцкого, захочется посмотреть на новые земли, всколыхнуть застоявшуюся жизнь. Пока до этого момента было еще далеко, но в том, что он настанет, Конан не сомневался. И тогда он купит резвого жеребца или, может быть, снарядит небольшой корабль, разживется в Аграпуре деньгами и отправится в путь. И если один знакомый офицер из тайной службы Турана, вздумает помешать ему осуществить этот замысел, то придется его убить. Хотя впоследствии он обязательно выпьет вина за упокой Зема.

— Взглянуть бы хоть одним глазом, на того, кто рекомендовал тебя Илдизу, — сказал туранец. — Он все правильно рассчитал, выбрал ту единственно верную кандидатуру.

— Уж не ты ли это был? — поинтересовался Конан.

— Нет, не я, — ответил Зем. Киммериец ему поверил. — Но я думаю, что это один из моих

ближайших знакомых.

— Не сомневался, что все это дело рук вашей службы.

— Вот и зря. Служба в целом не имеет отношение к твоему назначению в сотню сопровождения. Может, кого-то и вызывали в надежде получить пару советов, но достоверных сведений об этом у меня нет.

— Зем! Мы же говорим не только о моем назначении. Кто-то спланировал весьма масштабное мероприятие, в котором я лишь одна из фигур на доске.

Конан блефовал.

Он не видел других людей, которых Илдиз мог задействовать в Вендии. Исключение составляли только новый посол Шеймасаи и его окружение. Но он, как и сам Конан, был весьма примечательной фигурой.

Правда, оставался шанс, что хитрецы из тайной службы действительно разработали какой-то тонкий механизм, который, несмотря на малое число составных частей – Конан, Шеймасаи и, возможно, еще двое-трое людей, сработает в Вендии. И в этом случае, если Зем действительно не имел никакого отношения к составлению плана, он из профессиональной гордости мог начать с Конаном его обсуждение.

— Ты так думаешь? — удивленно произнес туранец. Деланным было его удивление или нет, киммериец не разобрался. — Тогда это что-то невероятно сложное. В сотне, да будет тебе известно, нет ни одного агента нашей службы. Ты – смышленый, невероятно везучий парень, но тоже не конфидент. Единственная интересная личность – это новый посол. О нем мало что известно. До этого момента он вел весьма скромную жизнь, в политических играх не участвовал. Весьма странное, скажу тебе, назначение.

— Мне он не понравился.

— Такого же мнения о нем большинство. Как бы там ни было, присмотрись к нему получше, лишним не будет. Выпьем?

Двое воинов, старый и молодой, наполнили бокалы и опрокинули их. Зем попутно прихватил со стола еще один кусочек рыбы.

Конан остался доволен тем, что его товарищ из тайной службы сумел развеять самые черные его опасения. Если Илдиз сказал ему правду о том, что в Вендии ему предстоит постараться в одиночку разобраться с тем, не плетет ли кто интриг против Турана, это одно. В таком случае у киммерийца впереди было несколько месяцев весьма нескучной жизни, посвященных поискам убийц посла Туранской Империи. Но если Илдиз со своими советниками решил разыграть в Вендии крупную партию, то Конан вполне мог оказаться одной из фигур, обреченных быть принесенными в жертву. К счастью, никаких разумных аргументов в пользу последнего варианта у северянина не было. Вот и у Зема их тоже не нашлось.

— Не расскажешь, о чем тебя просил Илдиз?

Конан серьезно задумался перед тем, как ответить. Зему он доверял, к тому же туранец, в случае честного ответа, мог бы помочь дельным советом. Однако северянину не хотелось без особой причины нарушать слово, данное им Илдизу.

— Нет, не расскажу. Извини.

— Ничего, — отмахнулся Зем. — Все равно, наверняка ничего конкретного.

— В этом ты прав, — не стал отрицать очевидного киммериец. — Расскажи, что еще ты думаешь о моем назначении.

— Это очень необычный ход, — сказал ветеран. — Мне с таким сталкиваться еще не доводилось. Чтобы Туран с его закостеневшими обычаями выдвинул на роль второго человека в посольстве иноземца. Притом выходца из далекой варварской страны, к тому же пугающе молодого.

— Мне дали задание, — подытожил киммериец. — И одновременно выставили напоказ: вот тот человек, который нужен Турану в Вендии! Про странность такого хода ты мне можешь не рассказывать. И так все очевидно. Лучше скажи, зачем он Илдизу мог понадобиться.

— Можно считать это демонстрацией добрых намерений, — не замедлил предложить вариант Зем. — Туран показывает, что именно ты займешься поисками всего, что желают скрыть от империи. Наши союзники в Вендии будут знать, кому предложить свою помощь. Власти же всегда смогут держать тебя в поле зрения.

— Глупо, — заметил Конан. — Хотя и не лишено определенной красоты.

— Только это, по-моему, не весь замысел нашего правителя, — продолжал Зем. — Не сочти за комплимент, но твоего умения идти к поставленной цели наши противники не оценят до того момента, как ты разобьешь их в пух и прах, оказавшись в Айодхье. Мы говорим вендийцам, что отправляем к ним умного и опасного человека, замены которому не нашлось среди туранцев. Предупреждаем их, что этого человека стоит бояться, что лучше ему помогать. Но мы утаиваем от них, что ты не просто опасен – тебя, если ты нападешь на след, будет не остановить.

— Что-то подобное мне говорил и Илдиз.

— И это чистая правда. Но стоит помнить еще об одной вещи: это Вендия, и самый лучший замысел там может не сработать.

— Меня, кстати, не пожелали снабдить сетью ваших людей в Айодхье. Я практически ничего не знаю о Вендии, не знаю языка, а в столице у меня не будет никого, к кому я смог бы обратиться за помощью.

— Какой смысл выводить тебя на конфидентов? У них у каждого свои задания. За большинством из них постоянно следят. С теми, за кем еще не следят, тебе, тем более, не стоит встречаться. К тому же, их слова только запутают тебя. Почти у каждого из наших людей в Вендии есть свои покровители. Конфиденты действуют одновременно и в их пользу, и в пользу Турана. Одновременно со всеми новостями о вендийской столице ты получишь еще и целое море лжи.

— А так я буду получать эту ложь из уст самих вендийцев! Если они, конечно, будут со мной говорить. Какой во всем этом смысл?! Я не знаю, как мне действовать, когда я окажусь в Айодхье.

— Меня самого это ставит в тупик, — признался после небольшой паузы Зем. — Возможно, Илдиз надеется на твою удачу, интуицию. Но то, что тебя отлучили от связей с конфидентами, вещь очень показательная. Похоже, правитель не доверяет им даже больше, чем мы. Их собственное руководство.

— Ты мне, кстати, так и не сказал, какую именно должность занимаешь, — попенял приятеля Конан.

— И не скажу, — не стушевался тот. — Одним словом, Конан, о конфидентах в Вендии можешь забыть. Я тебе не выдам ни одного человека.

— Я уже и передумал у тебя спрашивать, — признался северянин. — Хотя ты меня не убедил, что от общения с нашими людьми не было бы никакой пользы.

—— Зато убедил, что не переступлю через решение Илдиза, — отрезал Зем. — Он четко обрисовал в своем указе твое будущее положение в Айодхье. Пойми, решение это не было спонтанным. Если император посчитал нужным лишить тебя определенных источников знаний, значит, так оно и нужно.

— Турану, наверное, нужно. А мне?

— Ты же согласился с назначением.

Это был железный аргумент. Конан шел на риск совершенно осознанно. И теперь уже поздно было жаловаться, что с ним поступили не до конца честно.

— Правда, кое в чем я тебе все-таки помогу, — смилостивился Зем. — В конце концов, ты же мой друг. Без вендийского языка ты в Айодхье пропадешь. Чтобы не терять времени, начнешь изучать его в походе. Я неплохо знаю одного человека из свиты Шеймасаи. Думаю, смогу договориться с ним, чтобы он давал тебе уроки языка.

— Ваш человек? — Конан сделал акцент на первое слово.

— Нет, не из тайной службы, — ответил туранец. — Мой старый знакомый. Дипломат. Так что, к тебе будут две просьбы. Во-первых, не впутывай его в то, чем будешь заниматься в Айодхье: никаких просьб, никаких поручений. Во-вторых, постарайся не афишировать перед Шеймасаи то, что он тебе помогает. Я не знаю, как посол к этому отнесется, и не хочу портить товарищу карьеру.

— Договорились, — легко согласился киммериец. — Как зовут твоего друга?

— Сначала я все-таки сам поговорю с ним, — не стал спешить Зем. — Мало ли, вдруг он откажется. Если все будет хорошо, я завтра пришлю тебе весточку.

— Надеюсь, с одной проблемой разобрались.

— Думаю, что так. Но, боюсь, это единственное, с чем я тебе могу помочь. Разве что еще оплачу наш ужин, хоть зазвал сюда меня именно ты. Мое жалованье все же несколько превосходит твое.

Туранец допил свое вино и полез рукой в кошель.

— Подожди! Зем, ты что собрался уходить?

— Дела… Служба…

— Ну, уж нет! — сказал киммериец, усаживая приятеля назад на скамью, с которой тот уже было дело поднялся. — Я тебя так просто не отпущу. Нам еще есть, что обсудить.

Ветеран пробежал глазами по зале таверны, словно ища поддержки у ее посетителей. Но никого, готового придти ему на помощь, он не обнаружил, и был вынужден сдаться.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Но тогда за ужин платишь ты.

— Разумеется! — согласился киммериец. — Я готов еще и девушек оплатить. Главное, ты никуда не спеши.

— У меня жена, — как-то грустно сказал туранец.

— Хорошо, тогда без девушек, — ответил Конан и подозвал служанку. — Вина! И еще какого-нибудь мяса!

— И что именно тебе еще от меня надо?

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о Вендии. Я только и слышу: Вендия странная, Вендия необычная, в Вендии все не так, как у нас. Но при этом ничего толкового я за последние дни о ней не узнал.

— Так ты считаешь меня знатоком Вендии? — улыбнулся Зем. — Вынужден тебя разочаровать, Конан. У нас в службе этой страной занимаются другие люди.

— Но кое-что ты знаешь? — не сдавался Конан.

— Кое-что знаю, — кивнул Зем. — Вендия странная, Вендия необычная, в Вендии все не так, как

— Шутишь?

— Шучу.

— А если серьезно.

— Ну, если серьезно, то расскажу, что знаю, — с этими словами улыбка с лица туранца исчезла. — В самом деле, мне очень жаль, но к нашим конфидентам в Вендии я не имею никакого отношения. Разве что знаю их по именам, в силу своего положения, и все. И о ситуации в стране знаю лишь из обобщенных докладов.

Конан имел в виду не совсем то, о чем ему начал говорить его туранский приятель из

тайной службы. Киммериец надеялся узнать у него о самой стране, а не о том, что там сейчас твориться. Но раз Зем сам затронул эту тему, стоило попытаться этим воспользоваться.

— Хотя бы это, — сказал киммериец.

— Будешь смеяться, — ответил Зем. — Но в трех словах: все как обычно. Политическая ситуация Вендии – это постоянное ожидание перемен. Сил, способных повлиять на политику в этой стране, огромное множество, но все они уравновешены между собой. Они постоянно ищут пути усиления собственных позиций, устраивают союзы, разрывают их, предают друг друга, но практически никогда не действуют открыто.

— Почему?

— В случае неудачи того, кто начал активную игру уничтожат. В первую очередь, бывшие союзники, чтобы самим уйти из-под удара. Вот и сейчас, в Вендии, по докладам наших людей, идет обычное для них скрытое перестроение сил. Преимущества пока не у кого нет.

— А что за силы?

— Так сразу и не ответишь… Вендийское общество поделено на касты: жрецы-брамины, воины-кшатрии, торговцы-вайшьи и бедняки-шудры. Внутри касты также делятся, но это четыре основных пласта общества. Интересы касты для вендийца – святое. Кроме этого, существенным мерилом жизненных и политических приоритетов для них является вера. У вендийцев огромное количество богов: живых и мертвых, местных и пришедших из иных стран. Остается только удивляться, как они сами не путаются в своих богах и в их интересах. Следующим немаловажным моментом является происхождение вендийца. Род и его традиции, особенно для знатных кшатриев, играют значительную роль. Если добавить сюда деньги, власть и любовь к красивым женщинам, мы получим практически полный список того, что заботит вендийца.

— Надеюсь, что не каждого?

Конана такая перспектива напугала.

— Нет. Разумеется, нет. Бедняков, которых в Вендии большинство, волнует в первую очередь дхарма – их жизненный путь, еда и кров над головой. Именно в таком порядке. Но немало и тех, у кого хватает времени и денег на то, чтобы заниматься вещью, которую мы именуем политикой. И именуем, пожалуй, ошибочно, потому как допускаем огромное упрощение. Вендийцы не просто стремятся возвеличить, к примеру, свой род. Они одновременно заботятся об интересах касты, количестве верующих в божество, которому они поклоняются, следуют дхарме и умудряются при этом делать вид, что живут обычной жизнью.

— Сложно. Я так понимаю, что как таковых устоявшихся политических сил там, только временные союзы?

— Ошибаешься. Есть и неизменные силы. Например, сторонники нынешнего правителя, касты высших браминов, поклонники Кали. Но в большинстве своем, ты прав, речь идет именно о временных союзах. Хочешь еще одну интересную деталь?

— Ну, разумеется.

— Вендийцы почти никогда открыто не врут. Они все-таки люди и все упомнить не в состоянии, а потому лжи предпочитают полуправду.

— А ты говоришь, что ничего не знаешь о Вендии!

Зем удивил своим рассказом киммерийца. Ничего конкретного о верованиях, обычаях, истории Вендии он ему не поведал. Вместо этого приятель точно дал ему понять, что разобраться в этом всем иноземцу практически не реально. Во всяком случае, находясь в Туране.

И еще одну очень важную вещь можно было почерпнуть из сказанного: в Айодхье лучше будет никому не доверять.

— Это не так и много, — не согласился туранец. — Практически ничего! Сам я в Вендии не был никогда, и все это знаю только понаслышке. А вот люди, бывавшие там говорят, что лишь

изнутри можно понять, что такое Вендия. Почувствовать ее дух. Пока ты сам не станешь составной частью всех местных интриг, ты останешься там чужаком, фигурой на чужой доске.

— Что ж, мое назначение кажется мне все более и более странным.

— Не согласен. Я уже говорил, что тот, кто рекомендовал тебя Илдизу, сделал очень правильный выбор.

Глава 7.
Второй день расследования
Центр Айодхьи

Какое-то время Конан потратил на то, чтобы успокоить Амьена. Потерявший всякое представление об окружающем мире туранец то и дело срывался на истерику. Все вокруг его пугало, в том числе и огромный незнакомый северянин, пытающийся говорить с ним. Киммерийцу стоило немалых трудов пробиться через эту стену страха и недоверия.

Но, в конце концов, Амьен согласился тихо посидеть в комнате и ничего не трогать, пока Конан «найдет кого-нибудь, кто мог бы ему помочь».

Киммериец даже не надеялся, что разум однажды вернется к туранцу. Тех, кто над ним поработал, такой исход вряд ли бы устроил. Так что, следовало поскорее придумать, как разрешить проблему с Амьеном с наименьшими потерями для сотни.

Было два варианта: во всеуслышанье объявить, что десятник сошел с ума, либо же, наоборот, сделать круг посвященных предельно узким.

Конан отлично видел минусы и того, и другого варианта.

В случае огласки, немедленно пошли бы разговоры о том, что среди туранцев появился второй Хамар. Еще один случай помешательства поданного царя Илдиза за весьма краткий срок настроил бы против солдат чуть ли не всех жителей Айодхьи. Власти Ведиии тоже не остались бы в стороне.

Попытка же скрыть помешательство Амьена могла обернуться еще худшими последствиями. Ведь если кто-то пытается что-то скрыть, вероятно, он это делает не просто так, а руководствуется какими-то тайными умыслами. Подобный вариант уже рождал прямой повод для обвинения туранцев в заговоре против Вендии.

Конечно, Амьена можно было просто убить. Но для Конана это означало поступиться собственной совестью.

Еще раз все обдумав, киммериец пришел к выводу, что лучше будет пока о недуге Амьена не распространяться. Он все еще собирался разобраться в череде последних убийств, а также прочих событий тесно с ними связанных, вроде появления тени и помешательства Амьена. И если в городе все до одного жители начали бы воспринимать туранских солдат как источник угрозы, задача его сделалась бы почти невыполнимой.

Поэтому стоило рискнуть и смолчать.

Выйдя от Амьена, киммериец в первую очередь отыскал Хасана и Масула. Этим двоим десятникам он доверял сейчас больше, чем другим. Ведь кого-то в тайну, все равно, пришлось бы посвятить.

— Н-да, неприятность, — заключил Хасан, глядя на потерявшего рассудок товарища.

Сотник и двое десятников стояли в комнате Амьена и внимательно смотрели на болезного, который в свою очередь не менее внимательно смотрел на свои пальцы.

— Это еще не все, — поспешил «обрадовать» подчиненного Конан.

Он пока рассказал Хасану с Масулом лишь о том, в каком состоянии он обнаружил заменившего покойного Газила десятника.

— Есть еще одна вещь, о которой я очень не хотел говорить, — продолжил он. — Вам тоже лучше будет держать язык за зубами. Вчера утром ко мне приходил Шеймасаи. Он рассказал, что

от каких-то своих людей ему стало известно, что один из нас имел встречу с фансигарами. Речь шла об Амьене. Кто такие фансигары вам объяснять надо?

— Нет, сотник, — отозвался Хасан. — Я знаю.

— Я тоже, — подтвердил Масул.

— Тогда мне не нужно объяснять и того, — сказал Конан, — какими неприятностями могло обернуться для нас это известие. Одних только разговоров о связях солдат с фансигарами хватило бы для того, чтобы выставить нас из страны. Если же подозрения в том, что у нас водятся друзья среди почитателей Кали, нашли бы подтверждение, то проблемы у всех нас, не только у Амьена, были бы несоизмеримо большими. Думаю, вы понимаете, как вендийцы могут воспринять недуг Амьена.

— Простые люди решат, что мы точно что-то замышляем, — ответил Масул. — Власти же займутся расследованием, которое нас не просто унизит, а куда хуже…

— Нельзя, чтобы про Амьена узнали, — заключил Хасан. — Я считаю, что даже в сотне никто не должен знать, что он сошел с ума. Так будет безопаснее.

— Я с тобой согласен, — сказал Конан ветерану. — Действовать будем так, как договорились. Никто не должен будет покидать казармы без веских причин. Причем это правило коснется лишь десятников. Простые солдаты будут получать разрешение на выход в столицу лично у меня. Так мы сможем держать ситуацию под контролем.

— Рано или поздно от нас отстанут, — сказал Хасан. — Из казарм благополучию Вендии мы навредить никак не сможем. Дождемся приказа из Аграпура о возвращении в Туран…

— А если до этого времени, — поинтересовался Масул, — вендийцы попросят нас дать им возможность побеседовать с Амьеном? Они ведь могут так поступить, если всерьез подозревают, что он имеет отношение к фансигарам.

— Амьен – болен, — принял решение Конан. — Именно этой версии мы будем придерживаться. Кроме нас троих, никто не должен, что происходит на самом деле. Ты, Хасан, временно примешь командование над остатками десятка Газила. Объяснишь им, что Амьен подхватил какую-то заразную хворь. Я поговорю с Шеймасаи, постараюсь убедить его посодействовать нам. В любом случае, ближе к вечеру я организую визит лекаря к Амьену. Настоящего или актера, разберусь по ходу дела.

Больной тем временем ползал по кровати из конца в конец и с подозрением поглядывал на трех визитеров.

— С ним что делать будем? — спросил у киммерийца Масул и указал на Амьена. — Сможешь с ним договориться, чтобы он сидел здесь тихо?

— Сомневаюсь, — признался сотник.

— Связать его, — безо всякого пиетета к больному товарищу предложил Хасан. — В рот засунем кляп. Дверь закроем. После того, как «лекарь» его осмотрит, один из нас возьмет на себя обязанность ухаживать за ним.

— И кто же это будет? — с ухмылкой спросил киммериец. Ничего приятного в том, чтобы кормить, поить и убирать за безумцем, он не видел. — Ты или Масул? Я не могу: мне постоянно приходится бывать в городе.

— Мне все равно, — спокойно ответил Хасан. — Могу и я.

— Значит, так и решим, — согласился Конан.

— Но вот насчет того, что тебе постоянно приходится бывать в городе…

Хасан замялся и не договорил.

— Что?

— Ты уверен, что поступаешь разумно? — закончил фразу пожилой десятник. – Я понимаю, что у тебя обязательства перед Шеймасаи и Телидой, но вряд ли они не могут подождать

несколько дней.

— Я не боюсь, — ответил киммериец. Хотя на душе у него было гадко: своим расследованием он подставлял под удар всю сотню. — Всем отсидеться не получится. К тому же, не все вендийцы видят в нас врагов, нельзя терять связи с возможными союзниками.

— Наверное, ты прав, — сказал Хасан.

Чувствовалось, что киммериец не сильно поколебал его уверенность в том, что рисковать и покидать казармы, будет ошибкой. Масул молчал, но Конану казалось, что султанапурец скорее согласился бы с Хасаном, чем с ним.

— Вот и хорошо, — подытожил киммериец и огляделся по сторонам в поисках того, чем сподручнее было бы связать Амьена.

После недолгого обсуждения на веревки пустили шелковую рубашку туранца, предварительно разорвав ее на полосы. Ее же остатки и послужили кляпом.

Длительное время такие путы пленника вряд ли бы удержали, но, во-первых, Амьен пока не сильно рвался на свободу. Во-вторых, после визита лекаря десятника можно было уже без спешки устроить с большим комфортом.

Собирать вместе всех десятников киммериец передумал. Так он только бы привлек внимание к отсутствию Амьена. Ни к чему это было.

Вместо этого Конан обошел оставшихся семерых офицеров, поговорил с каждым из них в отдельности. Объяснил, что в Айодхье творится что-то не совсем понятное, в связи с чем солдатам запрещается покидать казармы. Никого такое решение не удивило. Десятники, похоже, не сомневались, что киммериец подтвердит приказ, ранее отданный Хасаном.

Про Амьена киммериец много говорить не стал, обмолвился, что ему нездоровиться, и что приемник Газила просил его пока не беспокоить.

Настроение у десятников, как показалось киммерийцу, было нормальным. Если кто и нервничал из-за слухов об излишнем внимании вендийских стражей к сотне почетного сопровождения, то никак этого не показывал.

Сам Конан тоже несколько приободрился по сравнению с тем состоянием, в котором он пребывал, когда обнаружил, что Амьен не помнит ничего о себе.

В том, что ничего страшного с сотней в ближайшее время не случится, киммериец был уверен. Они с Хасаном и Масулом сделали все, чтобы оградить отряд от неприятностей. Конану оставалось жалеть лишь о том, что он теперь не сможет рассчитывать на помощь своих солдат.

Но, по крайней мере, он не дал разыграть своим противникам никаких гадких комбинаций с сотней. Пока была ничья.

Из казарм киммериец направился в посольство.

Предстояло объясниться с Шеймасаи по поводу Амьена. Киммериец даже не мог себе представить, как отреагирует посол на известие о постигшем десятника безумии.

— Единственное, что точно — будет кричать.

Конан усмехнулся своему мрачному умозаключению.

Время постепенно приближалось к вечеру, а надо было еще навестить Телиду. Именно там киммериец планировал собрать наибольший урожай новостей.

Вообще от событий просто шла кругом голова.

— Сотник, еле тебя догнал! — неожиданно рядом с киммерийцем возник Бернеш. Десятник возник сзади Конана и опустил тому руку на плечо, привлекая к себе внимания. Вид у бастарда был, как всегда, самый бесшабашный. — Ты научился ходить по их улицам, как самый настоящий вендиец. Как только умудряешься ни на кого не натыкаться?! Я вот, за тобой пока гнался, чуть было корову не сбил, представляешь?

— Скорее, она тебя сбила бы, — не удержался киммериец от того, чтобы уточнить. — И

зачем ты за мной шел? Я же только что отдал прямой приказ, чтобы никто не показывал носу из казарм.

— Без веской необходимости, — поспешил заметить Бернеш. — Пошли куда-нибудь отойдем с центра улицы.

Конан не стал спорить. Они завернули в закуток, образованный двумя домами, между которыми зачем-то возвели стену. Там была тень, и не было народу.

— У меня как раз была веская необходимость, — заверил киммерийца бастард. — Я хотел переговорить с тобой.

— Я думал, мы только что беседовали, — Конан не понимал, что могло подтолкнуть Бернеша к тому, чтобы подкинуть казармы. Бастард, конечно, всегда воспринимал приказы с несвойственной большинству солдат прохладцей, но просто так, чтобы покрасоваться, он нарушать бы их не стал. Должна была быть какая-то причина. — Ты не выказывал никакого недовольства моим запретом.

— Потому что я боялся, что нас могут подслушать, — заявил туранец. — Здесь я себя чувствую себя не в пример свободнее. Ты же не думаешь, что Хамар был единственной паршивой овцой в нашем стаде?

Откровенность Бернеша покоробила киммерийца. Конан никак не ожидал, что тот с подобной прямотой начнет обличать своих товарищей. Предположение бастарда казалось сотнику весьма разумным, он и сам пришел к подобным выводам. Правда, Конан знал про Амьена и фансигаров, а вот Бернешу это не должно было быть известно.

Вообще, поступок бастарда наводил на определенные размышления. Если не сказать больше – подозрения.

— Предлагаешь это обсудить? — жестко сказал Конан. Отвечать на вопрос десятника он не стал.

— И не только это! — не смутился Бернеш. — Ты же ищешь что-то. Тех, кто убил нашего посла? Или, может быть, того, кто околдовал Хамара?

— Ты хоть понимаешь, что ты говоришь? – спросил киммериец.

Десятник целенаправленно переходил рамки дозволенного. Наверняка в сотне шептались о том, чем вызваны столь частые отлучки северянина в город: вряд ли Конан казался солдатам просто любителем светской жизни. Но вот так открыто на эту тему с киммерийцем никто не решался заговорить. Даже Шеймасаи был более обходительным.

— Отлично понимаю, сотник, — сказал Бернеш. — Я ставлю тебя перед выбором. Либо ты сочтешь меня другом и союзником, и мы продолжим наш разговор. Либо решишь, что я не достоин доверия, и отправишь назад в казармы, приказав Хасану и Масулу за мной приглядывать.

Десятник, как часто это уже оказывалось, был совершенно прав. Он, именно что, поставил Конана перед жесткой дилеммой. Правда был еще третий вариант, о котором Бернеш не упомянул: киммериец мог посчитать его этой самой паршивой овцой, но не отсылать прочь, а, напротив, как говорит вендийская поговорка о врагах, приблизить к себе.

Северянин подозревал, что об этом третьем варианте Бернеш умолчал сознательно, предлагая Конану самому до него додуматься.

— Какая мне польза будет с тебя? — киммериец тоже решил играть показательно открыто.

— Двум людям куда сложнее отвести глаза, чем одному, — ответил бастард. — Если кто-то тебя обманывает, мне будет куда проще различить ложь, ведь я смогу судить о вещах беспристрастно. Еще я достаточно умен, чтобы дать тебе при случае разумный совет. Один могу предложить прямо сейчас.

— Давай, — сказал Конан.

Он решил, что определиться с тем, стоит ли посвящать Бернеша в ход расследования или нет, после того, как поговорит с Телидой. Если туранец был агентом их врагов, привести его к вдове было бы непростительной ошибкой.

— Ты сделал очень большую глупость, — начал Бернеш, — когда приказал солдатам не покидать казармы. Наши люди будут в доме, как в ловушке. И я думаю, что очень скоро ее захлопнут. Правда, к сожалению, не имею никакого представления о том, как это будет сделано.

— Здесь ты не прав, — можно было просто принять слова бастарда к сведению и смолчать, но киммериец не видел в этом смысла. Ему скорее было интересно последить за ходом мысли Бернеша. — Ты ведь заметил, как изменилось к нам отношение со стороны стражи?

Внезапно Конану пришла в голову мысль, что сам-то он ничего такого не замечал. Об излишней внимательности со стороны вендийцев он знал только со слов. Интересно было бы, если б Бернеш сейчас сказал, что ему кажется, что все как прежде…

— Да, от нас явно ожидают какого-то выпада против Вендии, — «разочаровал» киммерийца десятник.

— Не разумно ли сделать все, чтобы не оправдать их ожидания? — не без доли сарказма спросил Конан.

— Ожидания кого? — переспросил Бернеш. — Стражей?

Киммериец понял, что имел в виду бастард.

Вендийцы получили приказ следить за туранцами, им дали понять, что от подданных Илдиза следует здесь и сейчас ждать неприятностей. Конан боялся, что среди солдат есть тот или те, кто пожелает организовать провокацию. Своим последним распоряжением он постарался лишить их этой возможности.

Бернеш же намекал на то, что сотник напрасно исходил в своем расчете из того, что стражи получили насчет туранцев верные сведения. Тот, кто отдавал им приказ, мог желать именно припугнуть сотню. И тогда они, как послушные марионетки, точно отреагировали на все движения кукловода, запершись в казарме.

Но Бернеш ничего не знал про Амьена… Возможность для организации провокации у противников туранцев имелась просто замечательная.

— Мне виднее, — не стал вдаваться в детали Конан.

— Ты что не видишь, что нас подтолкнули к этой ошибке? — Бернеш почти перешел на крик. Похоже, до этого момента он верил, что Конан встанет на его сторону. — Кто-то разыгрывает в Айодхье свою партию, и нас рано или поздно принесут в жертву. Мне за себя страшно, но я просто так не дамся. Но наших людей скоро сметут с доски, не спрашивая, что они об этом думают. К этому же все идет! Сначала был Хамар…

— Достаточно! — оборвал туранца сотник. — Мы поговорим обо всем, я обещаю. Сегодня вечером. Но сейчас у меня дела.

— Отсылаешь назад в казармы? — с долей разочарования произнес Бернеш.

— Не хочешь оставаться там – не надо, — смилостивился Конан. — Я тебя врагом не считаю. Так что, можешь находиться, где хочешь. Но вечером как угодно, любым способом, дай знать, где тебя найти.

— Хорошо, сотник, — сказал бастард. — До вечера.

Сотник кивнул на прощанье, вернулся на основную улицу и растворился в толпе.

— Кром! — выругался Конан. — И что с ним делать?

Сам киммериец пока не спешил покидать уютный закуток. Ему хотелось немного подумать в тишине и покое.

Ему вспомнились былые опасения, что посещали его, когда он с сотней только отправился в путь в Вендию. Он ожидал, что окажется совершенно один в чужом мире, что рядом не будет

никого, кто согласится ему помогать. Конан не представлял, как в такой обстановке сможет исполнить поручение Илдиза.

На деле же оказалось, что его фигура стала пользоваться определенной популярностью. И если в первые седмицы это была исключительно его заслуга, что он сумел наладить хорошие отношения с Телидой, познакомился с Рамини, изучил нравы и обычаи вендийцев, то в последнее время киммериец, сам того не желая, оказался в сфере интересов весьма большого числа людей.

Кто-то пытался его убить, кто-то подослал к нему тень, кто-то отдал приказ следить за его людьми. И этих «кто-то» набиралось еще очень много…

Вот так он и попал в ту ситуацию, о которой говорил ему Илдиз. Император отдавал должное умению киммерийца выпутываться именно из таких положений: со всех сторон враги, чьи силы и возможности несоизмеримо больше, чем у Конана, выхода не видно, а время летит вперед с огромной скоростью, грозя утопить северянина в бездне происходящих вокруг перемен.

Могли ли туранцы предвидеть такое развитие событий в Айодхье?..

Тут Конан мысленно влепил себе затрещину. Нет, не о том он думал!

Бернеш интересно оценил поведение стражей и причины, его породившие. В его словах о том, что сотника подвели к решению ограничить сообщение солдат с внешним миром, имелся смысл. Даже очень много смысла. Весь вопрос был в том, как оценивать его слова: был ли это глас друга или голос недруга?

Бастард точно сказал: киммерийцу предстояло сделать жесткий выбор. Либо он верит Бернешу, либо нет. Ошибка могла стоить жизни и Конану, и его людям.

Он знал о Бернеше не так и много. Его отец был знатных кровей, мать же была дочерью бедного гончара из Аграпура. Ничего больше про родителей десятника киммерийцу известно не было, ни их имен, ни того, в каких отношениях они состояли с сыном. Про свое детство и юность Бернеш тоже никогда не рассказывал.

Карьера его в войсках Илдиза складывалась весьма необычно. Учитывая, в скольких сражениях на суше и на море успел побывать Бернеш, ему надлежало бы уже ходить в сотниках или даже тысяцких. Причина же того, что он пребывал лишь в десятниках была до банальности просто: бастард в солдатах служил только два с небольшим года. Но за них он и успел побывать во всех своих кампаниях. Складывалось впечатление, что он сознательно желал не упустить ни одной битвы.

В бою Конан Бернеша не видел. На тренировках он демонстрировал неплохое владение саблей и луком, но не более того. Кровожадности за ним также никто не замечал. Так что киммерийца сильно мучил вопрос: чем именно занимался бастард во всех свих бесконечных битвах. Явно, что в первые ряды не лез…

Вдобавок ко всему Бернеш хорошо знал вендийский.

Странная личность…

… но люди из тайной службы заверили киммерийца, что среди десятников нет никого, кому нельзя было бы доверять. А Бернеша-то они наверняка проверяли с особой тщательностью.

И если он и вправду был другом, то все его качества вкупе с весьма нетипичным взглядом на вещи вокруг Конану в его расследовании очень пригодились бы.

Что ж, тяжелый выбор…

В конце концов, киммериец его сделал.

— Вечером разыщу Бернеша и расскажу ему все, что знаю, — объявил он для самого себя. После небольшой паузы все же поставил одно условие. — Если доживу до вечера.

Особенно актуальной эта мысль становилась с учетом того, что обязанности посетить Шеймасаи с киммерийца никто не снимал.

Потихоньку посылая небесам проклятья за их неблагодарность, Конан покинул уютный тенистый уголок и продолжил свой путь в людском море. Он и впрямь за последние дни научился неплохо лавировать в потоках забивающих собой все улицы Айодхьи людей, носилок и коров.

Либо, наконец, у Конана образовалась привычка, либо же из-за свалившихся на него неприятностей он сам неосознанно начал требовать от себя не допускать слабостей ни в чем, даже в мелочах.

По пути киммериец старался тайком наблюдать за стражами: будут ли они проявлять к его персоне какое-то особое рвение. Открытого неприятия заметно не было, но все же взглядами Конана провожали весьма внимательными.

Значит, в самом деле, подозрения Хасана и Масула имели под собой почву.

Стражи раджи Айодхьи Нараина получили приказ следить за туранцами. Киммерийцу очень хотелось бы узнать, кто именно отдал это распоряжение. Одно конкретное имя.

Вот так возникла и еще одна причина сожалеть о гибели Сатти. Тот был ни много, ни мало тысяцким, и его можно было уговорить, несмотря на все его принципы, узнать, кто именно так интересуется сотней.

Теперь друзья у киммерийца оставались лишь среди стражей повелителя, если, конечно, Тхана можно было считать другом.

Стражи раджи и стражи повелителя…

Киммериец вдруг понял, что проглядел одну важную деталь. В общей суете он совершенно забыл о взаимоотношении людей, служивших повелителю и служивших радже. Их интересы не всегда были общими. Что если стражи повелителя остались лояльны к туранцам?

Стоило помнить о такой вероятности. Тот же Сатти считал, что киммерийцу не повредит поговорить с Тханом.

Но прежде предстояло выдержать разговор с новым посланником Турана в Вендии.

У входа в посольства люди Шеймасаи – туранцы, что прибыли с ним из Аграпура, и вендицы, набранные в охрану посольства здесь в Айодхье, привычно одарили Конана взглядами, в которых явно читались подозрение и неприязнь. Киммерийцу было интересно, чего им такого плохого рассказывал о нем Шеймасаи.

— Посол на месте? — для порядка осведомился у охранников Конан.

— Вам назначено? — в ответ спросил один из вендийцев.

Конан посмотрел на него, как на последнего идиота. Коим охранник, судя по вопросу, и являлся.

— Гонец с известием не приходил? — спросил северянин. — С просьбой принять меня. Колокола два назад.

Часть охранников явственно заскрипела зубами.

— Нет, не приходил, — вендиец, в отличие от товарищей, попался крепкий.

— Значит, мне не назначено! — рявкнул Конан. На него и так проблем навалилось больше, чем мог бы выдержать нормальный человек, так еще и болванов вокруг меньше не становилось. — На месте посол?

— Да.

Это влез в разговор один из двух присутствовавших у ворот туранцев.

— Благодарю.

Киммериец представил, что было бы с Шеймасаи, если бы кто из солдат решил поинтересоваться у него, назначил ли ему киммериец встречу или вздорный туранец приперся просто без предварительной договоренности. От казарм, наверное, и камня не осталось бы.

Сам Шеймасаи как-то заметил, что киммериец в посольстве второй человек. Конан

выставлять напоказ свое положение не любил, но одно дело – позволять определенные вольности тому же Бернешу, и совсем другое – терпеть хамство со стороны посольской прислуги.

Во дворе посольства толкущегося народу за последние дни прибавилось. То ли Шеймасаи вплотную приступил к выполнению обязанностей посла, то ли неприятности, постигшие сотню, коснулись и его.

Больше препятствий на пути движения киммерийца к комнате, в которой обычно трудился Шеймасаи, никто ему не чинил. Лишь перед входом охранники вежливо попросили сотника оставить у них все оружие. Вежливо!

Впрочем, внутри дворца откровенных грубиянов Конану не встречалось. Разумеется, за исключением владельца этого самого дворца.

— Что-то ты не спешил ко мне на встречу, — поприветствовал Шеймасаи Конана, когда тот в сопровождении охраны вошел к нему в комнату. Охранникам же адресовалась вторая часть послания. — Все в порядке, оставьте нас наедине.

Киммериец дождался позволительного жеста со стороны посла, разрешившего присаживаться, куда гостю удобно будет. Конан выбрал стул прямо перед столом Шеймасаи. Стол, как обычно, был просто завален бумагами.

— Я говорю абсолютно серьезно, — продолжил посол. — Я ждал тебя раньше. Не тебя, так хоть каких-нибудь известий о той проблеме, что я говорил вчера!

Несмотря на раздраженный тон, Шеймасаи держал себя в рамках приличия. Киммериец ожидал худшего.

— Амьена долгое время мы не могли найти. Он пропал сразу после вашего визита, — киммериец не знал, насколько его слова соответствовали истине. Когда именно Амьен покинул сотню, чтобы возвратиться в нее уже безумцем, северянину не было ведомо. — Сейчас он на месте, сидит связанный у себя в комнате. Но с ним есть одна весьма серьезная проблема.

— Говори уже! — поторопил киммерийца посол.

— Он сошел с ума, — сказал Конан, после чего поспешил пояснить свои слова, предупреждая вопросы, уже готовые сорваться с языка Шеймасаи. — Амьен не помнит ничего ни о себе самом, ни о мире вокруг. Он сейчас словно новорожденный ребенок.

— Замечательно, сотник, — произнес посол. И снова его реакция показалась Конану удивительно спокойной. — Именно такого паршивого результата следовало от тебя ожидать.

— Я хотел попросить у вас мага, — Конан решил воспользоваться ситуацией, пока Шеймасаи пребывал не в столь скверном как обычно состоянии духа. – Пусть он осмотрит Амьена. Надо убедиться, что он нас не разыгрывает. К тому же, есть небольшой шанс обнаружить следы воздействия на его разум.

— Ничего он не найдет, — ответил Шеймасаи. — Но проверить – пусть проверит.

После этих слов посол поднял голову и посмотрел в глаза киммерийцу. Все время до этого взгляд Шеймасаи блуждал где-то среди бумаг и письменных принадлежностей на его столе. Лишь срываясь на крик, он на миг поднимал очи. Но так внимательно и долго до этого момента он собеседника не разглядывал.

— Ты спрашивал меня о людях, – проговорил посол, – что рассказали мне о встрече твоего человека с фансигарами. Хочешь знать, что с ними стало?

— Хочу, — киммериец не стал высказывать никаких предположений, боясь спугнуть решившегося на откровенность Шеймасаи.

— Они мертвы, — сказал туранец. — Погибли в пьяной драке. Странно, не находишь ли?

— Вряд ли совпадение, — заключил Конан.

— Вот и я так думаю, — согласился с ним посол. — Есть еще, чем меня обрадовать?

Последнее предложение Шеймасаи произнес в обычном холодно-презрительном тоне. Время откровений кончилось. Все вернулось на круги свои.

— Больше ничего, — соврал Конан. — Я еще раз поговорю с Телидой, попрошу ее ускорить сборы. Боюсь, что история с Амьеном может иметь продолжение.

— Ты не думал о том, что будет лучше его убить? — озвучил Шеймасаи немой вопрос, уже долгое время висевший в воздухе. — Сумеешь избавиться от тела? С живым Амьеном у нас может возникнуть немало проблем.

— Я не буду я его убивать, – заявил Конан и, чтобы прекратить дальнейший спор, добавил. — Тем более, солдаты мне не позволят.

— Можно было бы рискнуть сделать это незаметно, — не сдавался Шеймасаи, но в итоге махнул рукой. — Ладно… С мертвецом тоже неприятности могли бы возникнуть.

— Он жив, посол, — напомнил Конан. — И будет жить, сколько отпустит ему Эрлик. Так что вдаваться в пространные рассуждения о минусах его пребывания на Серых Равнинах я не собираюсь. Как не собираюсь позволять вам его туда отправить. Лучше скажите, как мне поступать, если ко мне придут вендийцы и потребуют его выдачи.

Посол обхватил голову руками и начал раскачиваться взад-вперед. Потом внезапно остановился и ударил кулаком по столу.

— Одни неприятности! — провозгласил он. — От тебя одни неприятности, сотник! Как поступить? Как поступить? Не знаю я, как поступить. Наложите все на себя руки. Может, тогда они устыдятся и отстанут от нас.

— Превосходный вариант, — похвалил посла Конан. — Я обязательно донесу ваше предложение до солдат. Быть может, они согласятся.

— Шел бы ты отсюда, — посоветовал Шеймасаи киммерийцу.

Северянин советом пренебрегать не стал. Поднялся и неспешно побрел к двери.

— Не отдавай им Амьена, — вдруг сказал Шеймасаи. Киммериец к тому времени был уже готов переступить порог комнаты. — Тяни время. Они будут обязаны обратиться ко мне. Тогда что-нибудь придумаем.

Отвечать киммериец не стал.

В коридоре охранники все с той же показной вежливостью вернули Конану оружие. Оставаясь при этом столь же безмолвными, как и всегда

Глава 8.
На следующий день после четвертого убийства
Дворец Телиды

Конан уже второй колокол сидел в своей любимой комнате с водопадами.

Шум воды и пение птиц ласкали слух, заставляя забыть о насущных тревогах. Вкусная еда и холодное вино тоже немало помогали киммерийцу в том, чтобы обрести расслабиться и утраченное чуть ранее душевное равновесие.

Этим утром Шеймасаи в честь очередной расправы над одним из браминов, вкупе со всем семейством и слугами, удостоил казармы своим визитом. Дело в том, что нескольких туранских солдат, в том числе и киммерийца, видели рядом с местом трагедии. Как раз незадолго до того, как произошло убийство. Посол никак не мог оставить подобное без внимания и явился высказать свое мнение по поводу этого совпадения.

Но то, и в самом деле, было совпадение.

Храм Кришну изъявил желание преподнести дар императору Илдизу. Храма Эрлика в Вендии не было, и жрецы его, обитавшие на территории посольства, весьма редко снаряжали караваны в Аграпур. И передавать подарок через них вендийцам показалось глупо. Пришлось искать иной выход.

Вскоре кришнаиты прознали, что туранский сотник интересуется верованиями вендийцев, к тому же вскоре ему предстояло вернуть в столицу империи. Потому жрецы и обратились напрямую к Конану с просьбой нанести к ним визит и забрать подношение. Делалось все это без ведома Шеймасаи.

Киммериец подозревал, что тот из нелюбви к персоне сотника и зависти, что обратились не к нему, мог бы отказаться от дара. А Конану для удачного завершения миссии, возложенной на него Илдизом, нужны были хорошие отношения с представителями одной из высших каст браминов, а не испорченные беспочвенным отказом.

О визите в храм Конан доложил бы Шеймасаи спустя какое-то время, но сделать этого не успел. Так уж получилось, что через колокол после того, как туранцы, возвращавшиеся из храма вместе с подношением, прошли аккурат мимо дома несчастного четвертого брамина, пострадавшего от рук неведомого убийцы, его там как раз и начали убивать.

Посол никак не желал верить, что это было просто совпадение. В убийстве он, слава Эрлику, никого из солдат не додумался обвинить, но в неких злокозненных умыслах против Турана и него лично все же заподозрил.

Долго ходил по казармам. Кричал на Конана, на солдат, ходивших вместе с ним в храм Кришны, на оставшихся солдат и снова и снова на Конана.

Когда Шеймасаи наконец убрался восвояси, киммериец объявил солдатам, что те на сегодня свободны, кроме десятка, дежурившего по казармам. Также порекомендовал всем хорошо отдохнуть с настойкой и девушками, чтоб поскорее забыть «крикливого осла».

Сам северянин, выбирая куда ему отправиться, счел, что самым правильным будет нанести визит Телиде. У Рамини, конечно, можно было отдохнуть не только душой, но еще и телом. Но все же вчера случилась очередная резня, которая могла иметь самое прямое отношение к миссии Конана, и у вдовы можно было разжиться последними известиями.

Помимо новостей об убийстве, коих набралось не так и много, Конан получил у Телиды

вдоволь вина и превосходных кушаний.

За беседой же киммериец, как он того и хотел, забыл и про Шеймасаи, и про его нелепые обвинения.

— Интересно все-таки, когда они остановятся? — спросил киммериец.

За прошедшее время он уже успел выяснить, что подробностей убийства Телида практически не знала. Стражи после того, как второго брамина с семьей препроводили на Серые Равнины, стали на редкость скрытными. Не то что туранцев на место преступления перестали пускать, среди своих установили очень узкий круг тех, кто получал хоть какие-то маломальские сведения о ходе расследования.

Все, что поведала киммерийцу вдова, она узнала из слухов, со слов тех, кто находился неподалеку от места убийства. Ничего такого, к чему можно было бы применить характеристику достоверные сведения.

Якобы покойный брамин собирался провести у себя дома церемонию поклонения одному из погибших богов, якобы его слуги, проводившие изыскания в джунглях полуденной Вендии, обнаружили нечто ценное, и как раз вчера хозяин получил от них соответствующую депешу, якобы брамин недавно серьезно повздорил с раджой Нараином, и тот имел на него серьезный зуб. Ну, и прочая чепуха.

Вообще для вендийцев, которые предпочитали жить исключительно своей дхармой и напрасно не лезть в дела ближних, породить подобное количество слухов было деянием, соизмеримым с подвигом.

— Снова ты говоришь «они», — попеняла киммерийцу Телида. — Не желаешь верить, что убийца действует в одиночку?

— Не то что не желаю — не верю, — заявил Конан. — Ну, как один человек может перебить столько народу? Я бы и то не справился со всеми этими вендийцами.

— Положим, сотник, ты – человек нормальный, — рассуждала вдова. — А наш с тобой убийца – безумец. Мне, к примеру, это ясно, как светлый день. Тебе не доводилось слышать, что люди ненормальные обладают нечеловеческой силой и ловкостью?

—— Отчего же… Не только слышал, но и сталкиваться имел несчастье, — сказал северянин. — Потому, ты уж извини, мне твои слова и кажутся глупостью. Эти вояки, объевшиеся мухоморов или другой какой дрянью обпившиеся, помимо того, что были сильны как демоны, так они еще не соображали ничегошеньки. Представь, несется на тебя такой дурак, мечом во все стороны машет, а глаза у него пустые-пустые. У собаки и то больше соображения наберется, чем у этих. А те, кто браминов убивает, делают это как раз очень продумано. Это ж надо суметь, чтоб за четыре раза ни одного человека в доме не упустить и посторонних при этом не потревожить!

— Умелый, хорошо обученный безумец, — не сдавалась Телида.

— А вот таких я уже не встречал, — парировал Конан.

— Ну, хорошо, — тихо произнесла вдова. Киммериец понял так, что ей таких талантливых дураков тоже повидать не довелось. — Как же тогда объяснить твои слова, что все покойники в доме первого брамина на Серые Равнины были отправлены одной рукой и одним клинком?

— Это не я говорил, а вендийский тысяцкий, — уточнил киммериец. — Он вполне мог ошибиться. Более того, он мог сделать это специально, чтобы сбить нас с Шеймасаи с толку.

— Какой ему с этого прок? — спросила Телида.

— Понятия не имею, — признался киммериец. — Это – Вендия, здесь, как мне объясняли, от людей не следует ожидать поступков понятных и легко объяснимых.

— Тоже мне абориген! — рассмеялась вдова.

— Кто-кто? — не понял Конан.

— Местный житель, — объяснила Телида. — Ты только что появился в Айодхье, а уже

пытаешься рассуждать как заправский вендиец.

— Так я не прав?

— Наверное, прав. В чем-то…

— Ну, вот.

Конан остался доволен тем, что одержал маленькую победу. Ему льстило сознание того, что он постепенно начал проникаться вендийскими реалиями.

Незадолго до того, как отбыть из Аграпура, он в одной из столичных таверн замечательно посидел со своим хорошим товарищем из тайной службы и тот сказал ему, что Вендию можно узнать, лишь погрузившись с головой в водоворот местных интриг. Конан чувствовал, что он, если так можно выразиться, «уже попробовал воду».

— Ты, кажется, о чем-то спрашивал, — напомнила Телида. — Я увела разговор в сторону и забыла. Извини.

— Я говорил о том, что понятия не имею, когда кончатся убийства, — сказал киммериец. — Сначала, помнишь, мы с тобой думали, что власти вот-вот обнаружат убийцу. Слишком уж много тот дел натворил, обязан был следы оставить. Потом второе убийство было, потом третье. Но стражи все ловили и ловили негодяя, и мы здесь все так же сидели и ломали себе головы. Вот я и задумался, когда браминов перестанут резать.

— К чему ты ведешь?

— Что случится раньше: кончатся «нужные» брамины или все же власти схватят убийц?

— Вот как ты вопрос ставишь! Хорошего же ты мнения о нашей страже…

— Они сами заставляют так к себе относиться. Даже в Шадизаре не допустили бы, чтобы в их городе подобное непотребство творилось: это ведь не просто убийства, а самая настоящая резня. Для властей это как плевок в лицо. А толковой реакции я пока так и не увидел.

— В начале ты неплохо отзывался о том тысяцком, что водил вас по первому дому.

— Мне показалось, что он умен. Но раз он допустил еще три подобных нападения, значит, расследование он ведет весьма паршиво. Не удивлюсь, если его уже отстранили. Зря вендийцы отказались от нашей помощи. У меня в сотне десятник – бывший сыскарь. Таких еще поискать надо, любого вора мог достать, дай ему только достаточно времени и толковых людей в подручные. Да и я чего-нибудь бы во всех этих убийствах углядеть сумел, за что можно было бы в поисках зацепиться.

— Весьма самоуверенно. Позволь тебя заверить, сотник, что у вендийцев немало толковых стражей, которые готовы Айодхью верх дном перевернуть, чтобы убийцу найти. Только тот им пока не дал ни единого шанса. Иначе был бы уже пойман.

— Либо убийца им шанса не дал, либо кто-то среди стражей делает все так, что шансами воспользоваться не удается.

— Все еще убежден в заговоре? Намекаешь, что стражи не совсем чисты? Поэтому они, наверное, и не пожелали привлекать к расследованию тебя и твоего десятника?

Тут киммерийцу надоело ходить вокруг да около. У него в голове родилось весьма конкретное предположение, с которым он пока к Телиде не обращался. Стоило попробовать и посмотреть на реакцию вдовы.

— А могут это быть фансигары? — спросил Конан.

— Гляжу тебя сегодня бросает в крайности, — ухмыльнулась вдова. — Впрочем, я была уверена, что однажды ты фансигаров упомянешь. Интересно, кто о них тебе рассказал… И насколько подробно.

— Знать половину – не знать ничего? — попытался угадать мысли Телиды киммериец.

— Вот-вот, — кивнула вдова. — Особенно, когда разговор идет о вещах сложных и весьма запутанных.

— Надеюсь, что знаю чуть больше, чем половину.

— Надейся.

— Я же говорил тебе, что больше всего меня поражает в этих убийствах – это их организация. Исполнено все просто идеально. Разве это не довод в пользу того, что это фансигары?

— А ты хоть догадываешься, сколько наберется доводов «против»?

— С удовольствием послушаю, — киммериец предложил Телиде продолжать. — Я же не стремлюсь в чем-то убедить тебя. Мне хочется найти убийц.

— Начнем с того, сотник, — сказала вдова довольным тоном. Так уж сложилась, что ей выпала участь разбивать в прах версии киммерийца о возможном злодее или злодеях. И она, похоже, уже начала получать удовольствие от этой своей деятельности, — что не обнаружено ничего, подчеркиваю, совершенно ничего, что указывало бы на ритуалы жертвоприношения Кали в домах покойных браминов. Ни одну из жертв не задушили. Это же прямое нарушение всех традиций фансигаров! Кровь из несчастных не выпускали, кроме той, что сама натекла из ран, имущества не похищали. Мне не доводилось слышать, чтобы фансигары действовали подобным образом.

— Я слышал, что они не столь закостенелые в деле соблюдения традиций, как остальные вендийцы?

— Они, конечно, стоят ближе к нам, людям с заката, но не до такой степени! Если эти убийства их рук дело, то они просто наплевали на все заветы Кали. Не может быть…

— Скажем, не на все, — возразил киммериец. — Ни одно резни не было в пятый день седмицы, зато три случились на четвертый день.

— Вот это как раз совпадение! — не согласилась Телида. — Точно так же можно взять и принять на веру слова Шеймасаи, о которых ты мне только что вещал. Сколько раз твоих солдат видели рядом с местом убийства? Те же три раза! Последний раз, между прочим, ты сам был среди них. А после того единственного случая, когда никого из туранцев рядом не углядели, ты со своим солдатом уже спустя колокол был на месте драмы. Какие выводы можно сделать?

— Печальные, — киммериец изобразил на лице смущение.

— Но все, кроме нашего любезного посла, понимают, — продолжала Телида, — что строить на основании этого совпадения обвинения против туранцев – бред. Вот зарежут пятого и шестого брамина вдалеке от твоих солдат и даже Шеймасаи не вспомнит своих прежних слов. Так же и твои «закономерности» в убийствах наверняка очень скоро испарятся.

— Я и не опираюсь на то, что убийцы браминов строго следуют какой-то традиции, — не стал спорить киммериец. — Но думаю, что если это все-таки фансигары, они, пока это возможно, будут пытаться следовать своим ритуалам. Задушить шелковым платком и пустить кровь жертве – это те обряды, которые дали бы стражам прямую указку: ищите фансигаров.

— Красиво рассуждаешь, — признала Телида. — Тебя послушать, так ты у нас на закате всех убийц бы переловил. Даже самых хитроумных. Я это я тебе совершенно серьезно говорю. А вдвоем с тем десятником вам бы и вовсе равных не было.

— К чему ты это? — спросил киммериец.

Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Телида иронизирует над ним.

— К тому, что ты не прав, — сказала вдова. — Только убедить тебя в этом будет тяжеловато. Дело не в том, что твоя логика не пригодна для Вендии. Ты верно говоришь, что фансигары способны отступить от традиций. Они весьма могущественны, среди джемадаров немало очень умных людей. Им было бы под силу организовать и осуществить все эти убийства. Но они этого не делали. Твоя беда, Конан, в том, что ты не видишь грань. Ты не понимаешь того, что хоть фансигары и способны зайти далеко в своих допущениях, но столь далеко они никогда не зашли

бы.

— Предлагаешь поверить на слово? — спросил Конан.

— Других вариантов нет, — ответила Телида. — Фансигары – это часть местной культуры. Ее же важно не просто научиться понимать, а еще научиться чувствовать. Вендийцы, несмотря на все интриги, что они плетут, умудряются поддерживать свое общество в равновесии. Чье-то положение улучшается, чье-то ухудшается, кого-то время от времени казнят, но серьезных потрясений здесь уже очень давно не было.

— Разве бывает дхарма бунтаря? — поинтересовался Конан.

— Шутишь? — с сомнением произнесла Телида.

— Немножко.

— Думаешь, у ведийцев нет склонности к государственным переворотам? Возможно. Но, все равно, местная культура чрезвычайно уравновешена. Все тянут за края одного одеяла, но никто не стремится его порвать.

— Одеяло — это власть?

— Скорее, влияние. Власть — это власть правителя, земная власть. А в Вендии слишком много повязано на духовных началах, на касте, на вере в богов.

— И фансигары хоть и не чураются некоторых закатных методов, но не забывают соблюдать это равновесие?

— Именно! Фансигары действуют так, как и должны, по общему мнению, действовать фансигары. Все знают, что они способны отойти от своих традиций. И они знают, что все знают. И отступают от традиций ровно настолько, насколько все считают, что они способны.

— Путано.

— Наоборот, очень просто. Все вендийцы знают, что это не фансигары. Тебе остается только поверить.

— Ладно, пусть это не они. А способны они на такое допущение: могут они просто помогать убийцам за определенную плату? Не делать всю работу, а только создавать необходимые условия?

— И как ты себе это представляешь?

— Тебе обрисовать?

— Нет, постой. Я сначала все-таки тебе кое-что объясню. Фансигары – это не тайная служба. У них иная суть, иное внутренне построение. Ты представляешь их монолитом, а они не монолит. Они чем-то подобны живому организму. У них есть множество джемадаров, каждый из которых обладает большим или меньшим талантом, влиянием, возможностями. Часть из них питает симпатию друг к другу, а часть враждует, но все они делают общее дело. Во славу своей богини. Про фансигаров говорят: умные, хитрые, осторожные. Знаешь к кому это относится? К сотхи и к лучшим из джемадаров. Но большинство фансигаров бхутоты и шамсиасы, тупые и безграмотные. Шудры! Беднейшие из них. Они фанатично преданы делу и своим джемадарам, но способны лишь исполнять команды. Теперь ответь мне, как фансигары могли поспособствовать тому, кто убивал браминов?

— Получается, убить они могли, — рассуждал Конан. — У них есть те, кто способен выследить жертв и составить план. Есть те, кому под силу его осуществить. Правильно?

— Правильно, — согласилась Телида. — Если бы они захотели препроводить всех этих браминов на Серые Равнины, то, скорее всего, со своей задачей справились бы. Но при этом не стали бы таиться.

— А вот помочь настоящим убийцам, — продолжал киммериец, — они, значит, не могли. Потому что с одной стороны фансигары скованы своими традициями, а с другой – нехваткой по-настоящему умелых людей. Бхутотов и шамсиасов они не решились бы использовать для помощи

тем, кто орудовал в доме, так как их участие могло быть истолковано, как поклонение Кали, а обряды соблюсти не было никакой возможности.

Конан говорил и одновременно смотрел на вдову посла, ожидая от той одобрения его слов или наоборот развенчания его в неправоте. Телида слушала и мерно кивала головой.

— Нить рассуждений ты уловил, — произнесла она. — Если бы фансигары увидели в смертях браминов выгоду для себя или кто-то сумел бы убедить их в том, что она есть, даже тогда они не смогли бы оказать толковую помощь своим друзьям или нанимателям. От джемадара, который бы составил хороший план или нашептал бы на ушко сотникам и тысяцким стражи нужные слова, проку было бы не больше, чем от того же сотхи, который мог бы проследить за кем угодно и втереться в доверие к любому врагу. Убийце нужно было бы не это. Все, что ему требовалось, это возможность спокойно делать свое дело. Чтобы никто не вышел из дворца и не вошел туда до тех пор, пока он не закончит свой кровавый труд. Согласись, фансигары были бы ему здесь ни к чему.

— Пожалуй, соглашусь, — улыбнулся Конан. — Ты просто не оставляешь другого выбора.

— Поверь, я делаю это не специально, — Телида ответила киммерийцу виноватой улыбкой. — Ты постепенно начинаешь понимать суть Вендии, но в своем стремлении поскорее ее изучить допускаешь нелепые ошибки. Ну, зачем искать сложности в простых вещах? Убийца – это везучий до безобразия одиночка, у которого не все в порядке с головой. Иначе тайна смертей четырех браминов была бы уже раскрыта. Нескольких людей найти проще, чем одного.

— Это меня и смущает, — признался киммериец. — В одном ты меня не убедила: убийца просто не может быть одиночкой. Мы имеем дело с хорошей, организованной группой людей. Но в связи с этим, я никак не возьму в толк: почему их еще не поймали?! Они же действуют в чьих-то интересах. Можно же уже было установить в чьих, да и допросы очевидцев должны были дать результат.

— Снова ты горячишься, сотник, — сказала вдова. — Все-таки ты очень молод. Это твоя беда. В чьих интересах действует убийца, я, к примеру, так и не смогла понять, хотя уже живу в столице не первый десяток лет. И это еще один повод к тому, чтобы подозревать безумца. Но и его можно было уже поймать! Все из-за того, что у стражей нет такого хорошего советчика, как у тебя. Они ведь, подобно тебе, сейчас гоняются за демонами, что сами себе навыдумывали, ищут заговоры, вместо того, чтобы признать очевидное. Браминов убивает ненормальный.

— Говоришь, думают так же, как и я? — спросил Конан. — Значит, и фансигарами они интересовались.

— Очень может быть, — не стала спорить вдова.

— Хотелось бы знать, как фансигары на это отреагировали, — сказал киммериец. — Вряд ли им могло понравиться внимание со стороны властей. Останутся они после подобного в стороне или вмешаются?

— Хорошие вопросы задаешь, Конан.

— И что станут делать фансигары, если первыми обнаружат убийц?

Глава 9.
Второй день расследования
Неподалеку от дворца Телиды

Вечера в Айодхье были красивые. Этого у столицы Вендии не отнимешь.

Темнело в городе очень быстро. Казалось, только-только был ясный день, и вот уже небо подернуто покровом ночи. Но все же был и краткий период заката.

Тогда небо становило огненно-красным, а дворцы, храмы, деревья сплетались в клубок последних отблесков солнца и порождаемых ими теней. Дневная жара чувствовалось уже не столь остро, и по улицам гулял легкий ветерок.

Город преображался, но люди, его населявшие, на это преображение никак не реагировали. И в этом была еще одна особенность вендийских вечеров. Жители Айодхьи все так же заполняли собой все свободное пространство, постоянно куда-то спешили, не забывая при этом переговариваться меж собой и заключать мелкие торговые сделки.

На их фоне город в этот момент казался особенно привлекательным.

Конану, вышагивавшему по направлению к дворцу Телиды, захотелось сходить как-нибудь на берег Рехара, в район храмов, посвященных богам, объявленным погибшими, и посмотреть, какой там закат. Когда он там с другими солдатами молился о послесмертии Хамара близ статуи Агни, ему выло не до красот природы.

Да и сейчас у него имелись не менее неотложные дела. Так что в посещении руин киммериец отказал себе до поры до времени.

У дворца вдовы почившего туранского посланника ничего необычного не творилось. Данному обстоятельству Конан обрадовался. Он все еще опасался, что стражи решат проверить Телиду: не имела ли она какого отношения к исчезновению их тысяцкого.

Но нет, все было спокойно. Охранники кивнули киммерийцу как старому знакомому, коим для них он в определенном смысле и являлся. Конан бывал во дворце столь часто, что уже мог определить, кто, где и когда будет нести свою смену. Охрана же, в свою очередь, наверняка научилась предсказывать с большой долей вероятности, когда именно нанесет им визит туранский сотник.

За воротами слуги сообщили Конану, что Телида уже ждет его, и попросили дозволения проводить его к ней.

— Разумеется, — ответил северянин.

Комната, в которую привели киммерийца, была ему незнакома. Похоже, за сегодняшний день это уже становилось традицией.

Сам Конан предпочел бы встретиться с Телидой в зале с водопадами. Там ему было привычно, он знал каждый уголок в той комнате. Да и обстановка была более приятная.

Здесь же царила темнота. Света в комнате почти не было. Единственное окно почти полностью снаружи перегораживали вьюнки. Сквозь их листья и стебля в комнату проникало считанное количество солнечных лучей, которое моментально растворялось, попадая на предметы обстановки, выполненные из темного, почти черного дерева.

В комнате было много стульев, два стола – один у окна, другой рядом с правой от входа стеной. Также вдоль стен стояли шкафчики большие и малые, в углу находился огромный обитый полосами железа сундук.

Телида сидела за тем столом, что был сбоку. Лицо ее тонуло в тенях.

— Сюда всегда приходил мой муж, — произнесла вместо приветствия женщина, — когда ему надо было принять какое-нибудь неприятное решение. Он сидел здесь подолгу в одиночестве, потом шел к себе в посольство и делал то, что надлежало сделать. Когда вечером он возвращался домой, то до утра ни с кем, ни о чем не разговаривал. В том числе, и со мной.

— Не самое приятное место, — заметил киммериец.

— Я тоже так считала, — сказала Телида. — Но однажды поняла, что у этой комнаты есть своеобразное обаяние. Знаешь, что лежит во всех этих ящичках и шкафах?

— Откуда мне знать? — ответил Конан. — И еще здесь очень темно, и многих полок просто не видно.

— Хочешь посмотреть?

— Нет, лучше послушаю.

— Я точно так же ответила, когда муж решил объяснить, что значит для него это место. Правда, потом я все-таки посмотрела. Что поделаешь – женское любопытство неискоренимо. Так вот, Конан, все эти ящики пусты. В них нет ничего. Когда я спросила мужа, зачем же они тогда нужны, он ответил, что это хранилище для мыслей и чувств. Тебе знакомо выражение «разложить все по полочкам»?

Киммериец кивнул.

— Муж, если так можно выразиться, применял его на практике, – продолжала Телида. — Он помещал свои мысли в ящички, клал их на те самые полочки в шкафах, что тебе не видны, всякие глупости бросал в сундук. Только так он мог тщательно проанализировать гнетущие его проблемы.

— Весьма необычно, — сказал Конан. — Но, по-моему, ничего предосудительного здесь нет.

— Я не к тому, — ответила вдова. — У меня нет привычки заходить сюда, когда мне надо подумать. Но сейчас мы с тобой очутились в такой ситуации, что нельзя пренебрегать никакими мелочами. Я сижу тут уже третий колокол. Правда, ощутимой пользы от местной обстановки я не почувствовала.

— Гостей твой муж принимал в этой комнате?

Конан не собирался позволять вдове уводить себя в сторону от вопросов, связанных с чередой убийств в вендийской столице. Но чтобы не показаться не вежливым, он все-таки решил дать вдове выговориться, но сам никак не реагировал на ее слова.

Однако в конце Телида все же заболтала киммерийца, и он на миг уступил своему любопытству.

— Редко. Тоже только в тех случаях, когда хотел поговорить о чем-нибудь серьезном. Наш с тобой знакомый Сатти бывал здесь чаще других.

Телида замолчала, ожидая реакции Конана. Приманку она забросила хорошую. Но тот не спешил отвечать.

— Хорошо, — сказала вдова. — Вступление окончено. Начнем наш разговор?

— Начнем, — весьма живо произнес киммериец. — У тебя есть, что рассказать мне?

— О чем? — непонимающим тоном произнесла Телида.

Конан нахмурился.

— Ладно-ладно, — пошла на попятный вдова. — Я в долгу перед тобой за то, что ты помог мне с Сатти. Но мне практически не чем платить: я говорила тебе практически все, что знала сама.

— Ты умолчала о Сатти, — напомнил киммериец. — Ничего не говорила о нем до того момента, как Хамара казнили. Мы с ним мыслили очень похоже, и думаю, вдвоем мы бы нашли тех, кто одурманил разум Хамара. Может быть, нам удалось бы спасти нескольких браминов.

— Сейчас, Конан, ты сказал глупость, — холодно ответила Телида. — Я совершенно правильно поступила, не говоря тебе ничего о Сатти и запрещая ему встречаться с тобой. Он как никто хотел распутать клубок тайн, связанных с убийствами браминов. Понять причину, отыскать злодеев – это был настоящий вызов. И Сатти не остановился бы ни перед какими жертвами. Именно для этого ты ему и понадобился. Раньше я тебе этого не говорила, но теперь скажу: Сатти не просто допускал возможность твоей смерти, он хотел, чтобы тебя убили. Я надеялась, что после казни Хамара заговорщики, сейчас-то я понимаю, что вы были правы, и заговор все-таки существует, слегка притихнут. Не будут совершать никаких активных действий, боясь привлечь к себе внимание. Рассчитывала, что нет никакой опасности для тебя. И я ошиблась: ты стал для Сатти именно тем орудием, которым он собирался их расшевелить.

— Я считал, он был твоим другом, — сказал киммериец. Сам он был похожего мнения о Сатти, но это не мешало ему сотрудничать с тысяцким. Конан не боялся рисковать. Ему тоже очень хотелось отыскать истинных убийц, особенно после казни Хамара. Ответственность за него не давала северянину покоя. — А ты говоришь о нем такие ужасные вещи.

— Дружба – дружбой, но человеком он был страшным, — Телида не стала отрицать того, что хорошо относилась к Сатти. Киммериец мысленно похвалил ее за это решение: скажи она, что покойный тысяцкий был для нее почти что враг, Конан отнесся бы и к другим ее словам с изрядной долей недоверия. — К тому же он заигрался. Начал переходить те границы, что сам для себя установил. Ничего сравнимого с резней браминов в столице не было очень давно. Не стоило Сатти лезть в это расследование. Ясно было, что одному человеку оно не по зубам.

— Но он и не действовал один, — сказал киммериец. Он отлично помнил слова тысяцкого о его помощниках, что следили за травниками. — Кроме меня, были и другие люди, что вместе с ним участвовали в расследовании.

— Это его и сгубило, — ответила Телида. — Очень долгое время его не трогали лишь из-за его репутации. В последние годы он занимался тайными делами весьма влиятельных персон, хоть и не сопоставимыми по значению с нынешними событиями. Его бы наверняка убили, если бы не знали, что он не проболтается и не оставит следов. За людей же, которых он привлек к поиску охотников за браминами, поручиться никто не мог.

— Что же он тогда вообще сунулся? — спросил Конан. — Он же не дурак был.

— Это был вызов всей его жизни! Понимаешь? Вызов! Он не мог просто пройти мимо. Точно так же, как ты уцепился за это расследование после того, как казнили твоего человека. Что ты скажешь, если тебе велят возвращаться в Туран?

— Я откажусь.

— Представляешь, что тебе за это будет?

— Ничего мне не будет, — киммериец понял, что сейчас ему предстояло принять еще одно очень важное решение. Как днем он гадал, кто такой Бернеш – друг или враг, точно так же нужно было определиться по поводу Телиды. Много раз он собирался рассказать ей о поручении Илдиза, но неизменно откладывал момент откровения на потом. Но дальше откладывать было уже некуда. – Император перед тем, как отправить посольство в Айодхью, вызвал меня к себе и объявил, что собирается возложить на меня одно небольшое задание: разобраться, кто мутит воду в Вендии. Он сообщил мне о твоем послании. В котором ты писала, что твой муж не просто так скончался, что его убили. Наверное, ты права: это поручение Илдиза вкупе с гибелью одного из своих людей, в виновности которого я до конца уже не уверен, — точно такой же вызов. И я, как и Сатти отступать не намерен. Ответишь мне, только честно, с чего ты взяла, что твоего мужа убили?

— Разумеется, отвечу, — Телида слова киммерийца восприняла совершенно спокойно. — Мог бы и раньше поинтересоваться. Я не сомневалась, что Илдиз ввел тебя в курс дела. Просто

так иноземца в сотню сопровождения не стали бы определять.

— Ну, так что ж сама не сказала? — спросил Конан.

— Говорить особо нечего, — призналась вдова. — Муж в последние дни перед смертью вел себя странно. Мало занимался дипломатическими делами, все больше проводил время во дворцах браминов из высших каст. В том числе, бывал и у покойных ныне. А когда возвращался домой, то практически не вылезал из этой комнаты. В то же утро, когда его не стало, поплохело ему внезапно. Он ослаб, не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Вместо речи было то бульканье, то шипение. Особо он не мучался, во всяком случае, виду не подавал, но прошло четыре колокола, и он умер. Лекари и маги не смогли ему помочь.

— Да, причин для подозрений достаточно, — сказал Конан. — Смерть твоему мужу устроили весьма красивую. Сделали так, что он, умирая, не мог ни произнести, ни написать имен своих убийц. Эффектно. Но, в самом деле, рождает слишком много подозрений. Мгновенная гибель во сне не привлекла бы столько внимания.

— Согласна, — ответила Телида. — Но, думаю, что убийцы как раз и хотели привлечь внимание заинтересованных лиц. Показать, как много они могут. Тем более, что следов яда или магического воздействия у моего мужа не нашли, а все немота и недвижимость конечностей в точности подпадают под описание признаков одного смертельного недуга. Не повсеместного, но и не редкого в этих краях.

— Недуга? — спросил киммериец. — Тогда, мне кажется, у тебя не было ни единого шанса убедить вендийские власти, что это было убийство.

— Я и не пыталась, — сказала Телида. Это стало известием для Конана. — Сразу написала императору Илдизу, понимая, что помощи можно ждать лишь из Аграпура.

— Будем считать, что дождалась, — подытожил Конан. — Что тебе известно про тех браминов, с которыми встречался твой муж? Ты знаешь лично кого-нибудь из них? Сможем мы к ним наведаться?

— Сколько вопросов, — вздохнула вдова. — Про браминов ничего интересного я не знаю. Их было около десяти, тех, кого посещал мой муж. Вайшнавы, шиваиты, кришнаиты. В части их верований я никаких зацепок не нахожу к тому, что бы их объединяло. Все они были…. Впрочем, почему были? Кое-кто есть до сих пор. В общем, люди – богатые и влиятельные. Можешь сделать из этого какие-нибудь выводы?

— Ты не ответила еще на два вопроса, — напомнил киммериец.

— Хорошо, отвечу. Близко ни с кем этих браминов я не знаюсь. Видела в посольстве, мы узнаем друг друга, здороваемся, но не более того. Посетить их дома мы сможем. Я не вижу в этом никакой трудности – нас с радостью примут, но и смысла я тоже не вижу. Идти к браминам надо, имея на руках факты или хотя бы основанные на чем-то подозрения, иначе всерьез с нами разговаривать не будут. Мы в их глазах предстанем даже не то что не игроками в этой партии. Нас даже за крупную фигуру не сочтут. Так, мелочь! Что нам им предложить?

— Все равно, эти люди – наш самый реальный шанс. Если твоего мужа убили за то, что он общался с ними, значит, тайну его смерти следует искать у них. Там же, я уверен, отыщутся и следы тех, кто стоял за Хамаром.

— Придти к ним, приставить саблю к горлу и потребовать ответы. Как тебе такой вариант?

— Не самый плохой. Если у нас не будет другого выхода, именно так я и поступлю. А пока, будь добра, скажи, что именно это были за брамины. Их имена.

— Так и знала, что ты их потребуешь. Держи.

Телида протянула киммерийцу небольшой отрезок бумаги. Хоть в комнате было темно, Конан сумел различить имена, начертанные на нем. Их было одиннадцать. О четверых браминах, упомянутых Телидой, северянин раньше уже слышал, причем о двух в связи с их смертью от рук

Хамара. Оставшиеся семь Конану были не знакомы.

Аккуратно свернув бумагу, киммериец убрал ее в сумочку на поясе.

Что делать с полученным списком, он пока не знал, решил только, что обязательно покажется его Рамини, когда у него будет такая возможность.

— Как по-твоему, Конан? — отвлекла киммерийца от мыслей об именах Телида. — Нас убьют?

Северянин удивленно посмотрел на женщину. Проявления страха он от нее никак не ожидал. Телида казалась ему существенным, выделанным из камня. И вот впервые вдова показала, что она тоже человек.

— Наверняка попытаются, — не стал ничего скрывать киммериец. Обман Телида, все равно, бы почувствовала и только осудила бы за него северянина. —— Если станем сидеть тихо, как мышки, то произойдет это не сразу, и погибнем мы тихо и мирно, еще лучше, чем твой муж. Продолжим наши поиски – заставим убийц торопиться.

— И ошибаться? — ухмыльнулась Телида. — Хорошо, пусть будет второй вариант. Ты же не оставишь мне другого выхода. А мы теперь действуем вместе.

— Не спеши с действием, — оборвал вдову Конан. Он решил продолжать беседу в изначальном ключе, раз Телида так и не надумала впадать в истерику. – Сначала я хочу еще одну порцию откровений. Есть что-нибудь, связанное с погибшими браминами, о чем ты умолчала?

— Что может быть с ними связано? — ответила вдова. Не чувствовалось, чтобы она хоть сколько-то обиделась. — Я могу рассказать тебе о каждом из них в отдельности, но что тебе это даст? Не важно, кем они были сами по себе. Важно, чем они заинтересовали убийц, что между ним было общего. Но вот этого никто не знает, в том числе, и я. Сначала мне, вправду, казалось, что убийца сумасшедший, который действует сам по себе. Очевидной связи между жертвами не было, и начало казаться, что ее нет вообще.

— Она должна быть, — убежденно ответил киммериец. — Тонкая, неуловимая, но должна быть обязательно. Браминов убивали не просто так. Хотя кого-то могли препроводить на Серые Равнины и без видимых оснований, чтобы запутать тех, кто пойдет по следу. И ты, Телида, с завтрашнего утра, а может даже с этой ночи, если будет охота, займешься поисками связи между браминами. У тебя ведь есть возможности, знакомых в столице немало.

— Это у моего мужа были возможности, а у меня – так… Хотя он и без того как-то понял, что грядет нечто связанное с браминами. Иначе стал бы он к ним так часто ходить?

— Мужа уже не вернешь, — жестоко заключил Конан. Тут у него в голове окончательно оформилась мысль, которая витала там с самого начала беседы. – Я так понял, что он не делились с тобой своими подозрениями?

Вдова кивнула.

— Но с бумагой-то он ими обязан был делиться! — сказал киммериец. — Всего в его возрасте просто не упомнишь. К тому же, он – дипломат. Я помню, сколько свитков и писем вечно раскидано на столе у Шеймасаи. У твоего мужа просто была обязана выработаться привычка все записывать. Где он хранил свои бумаги?

— Здесь, у нас дома, — радости в голосе Телиды не было. — Я тоже как-то решила, что было бы неплохо в них заглянуть. Но, к сожалению, эта светлая мысль пришла ко мне не так и давно. Когда я разуверилась, что Хамар действовал в одиночку

— Бумаги пропали?

Киммериец почти не удивился очередной неудаче.

— Нет, отчего ж… Я знаю, где они.

— И где же?

— Был еще один человек, который заинтересовался записями. Я просила у Сатти помощи в

поисках убийц моего мужа. Он был его другом и казался мне единственным человеком в Айодхье, способным отыскать негодяев. Я не лукавила, когда говорила, что ждала реальной помощи лишь из Аграпура: Сатти обещал, что в обход своих принципов выдаст мне убийц, но я сомневалась, что он на это решится.

— И ты передала ему все бумаги?

— Личные записи. Те, что хранили тайны туранской империи, находились в посольстве, и меня к ним никто просто бы не подпустил. Они дожидались приемника моего мужа. И дождались…

— Не будем о Шеймасаи! Личные записи – их было много?

— Нет, не очень. Три небольшие шкатулки, вроде той, — Телида указала на маленькую высотой в пол-ладони и длиной в две шкатулку, что стояла в шкафу неподалеку от киммерийца. — Сама я в них не заглядывала. Боялась отыскать что-нибудь неприятное лично для себя. А Сатти почти сразу же забрал их к себе. Изучать.

— Дало ему что-то это изучение?

— Не знаю. Из последних событий можно сделать вывод, что нет. Если он и добился результата в своих поисках, то лишь перед самой смертью.

— Очевидно. Иначе умер бы раньше. Ты знаешь, где он жил?

— Да.

— Отлично! Сегодня вечером я нанесу визит в его дом. Может, что-нибудь там и обнаружу. Опиши-ка мне поподробнее те шкатулки.

Глава 10.
День суда над Хамаром
Дворец туранского посланника

Магов, которых с собой из Аграпура привез с собой Шеймасаи, насчитывалось трое человек. Все трое сейчас стояли перед Конаном.

Первого звали Абу. В Туране так могли звать абсолютно любого человека. Киммериец искренне считал, что исключения может быть только два – императорская семья и колдовская братия. После встречи с Абу-магом Конан и в членах императорской семьи потерял уверенность. Абу был средних лет, среднего роста, среднего телосложения. Внешность его выдающейся тоже назвать было нельзя. Одним словом, ходящая характеристика своего имени.

Второй маг был практически древний старик. Он носил длинную седую бороду и источал странный кисловатый запах. Хотя, возможно, он исходил не от самого мага, а от его нарядов. Звали старика Замаригдид. Говорил он редко и с большим трудом, стараясь использовать в речи простые короткие слова. Но свое длинное и витиеватое имя он выговаривал с легкостью. Видимо, сказывалась привычка.

Третьему магу для полноты картины надлежало бы быть полноватым юношей с бойким веселым характером. Но при подборе помощников по колдовской части Шеймасаи руководствовался не симметрией, а какими-то иными мотивами, и потому третий его человек был немолод, как и первые два. Волосы и усы его еще не покрылись благородной сединой, но в остальном маг выглядел неважно. Он хромал то на одну, то на другую ногу, вечно кашлял и был неизменно хмур. Имя его было Наджамаль.

Магов к киммерийцу на доверительную беседу прислал лично Шеймасаи. Он на удивление спокойно отнесся к просьбе Конана повидать магов, что проверяли сознание Хамара. Посол даже не стал интересоваться, зачем сотнику их расспрашивать, если его солдата несколько колоколов назад уже приговорили к повешенью, просто выделил комнату, где киммерийца никто не побеспокоит, и послал за магами.

Конан и сам толком не знал, что он хотел услышать. Из мыслей у него не шел разговор, который состоялся у него до суда с тысяцким стражей повелителя по имени Тхан.

Страж хвалил киммерийца за то, что тот не избегает ответственности. Вот, он, наверное, и пришел в очередной раз убедиться, что Хамар – подлинный убийца.

— Приветствую вас, мастера, — обратился сотник к магам. — Рассаживайтесь. Не знаю, насколько долгим у нас получится разговор.

Маги молча придвинули к себе стулья и уселись перед киммерийцем. Отвечать на приветствие они не стали. Быть может, посчитали ниже своего достоинства.

— Мне вас представили, — продолжал киммериец, не обращая внимания на несоблюдение этикета. — Мое имя вам тоже должно быть знакомо, приходилось сталкиваться за время путешествия. Но, на всякий случай, назову еще разок. Конан. Сотник туранской армии Конан.

— Мы знаем, — отозвался наконец один из магов. Это был Абу.

— Я рад, — не удержался от небольшой колкости северянин. — Вам известно, зачем вы мне понадобились?

И вновь ответом киммерийцу было молчание.

— Я слушаю вас, — настаивал он.

— Мы не собираемся играть с тобой в угадайку, сотник, — сказал Абу. Говорил он, не выказывая к собеседнику не малейшего уважения. — Ты отнимаешь наше время.

—— Вы его сами у себя отнимаете! — зло ответил киммериец. День у него выдался плохой, а потому желание любезничать с магами испарилось весьма быстро. — Если понадобиться выжимать из вас ответы, поверьте, я этим буду заниматься хоть до утра. Мне плевать. Своего я добьюсь в любом случае.

— Спрашивай, киммериец, — предложил Абу.

«Киммериец» в его устах прозвучало как ругательство. Конан едва сдержался, чтобы не дать ему в зубы да и двум оставшимся магам за компанию.

— Каким образом вы проверяли Хамара? — задал свой первый вопрос северянин.

— С помощью магии, — сказал Наджамаль и закашлялся.

— Все верно, мы применяли заклятья, — добавил Абу. — Хочешь, мы скажем тебе названия, киммериец, или ты предпочитаешь формулы?

Маг явно пытался спровоцировать северянина, старательно выводил его из себя.

Киммериец не видел, в чем причина такого отношения к нему. Однако реагировать на выпады колдуна не спешил.

Когда Шеймасаи кричал на сотника и бросался обвинениями, он делал это искренне, нисколько не беспокоясь о том, как воспримет его слова северянин. Конана ужасно раздражало подобное обращение. Он позволял себе кричать в ответ и разве что кулаки не пускал в ход.

Магу же именно такая реакция киммерийца и требовалась. И утереть ему нос можно было, лишь сохраняя спокойствие.

— Я хочу знать, как работают заклятья, — сказал Конан. Абу уже открыл рот, чтобы ответить. Наджамаль тоже собирался что-то вставить в разговор. Но киммериец продолжил, не дав им заговорить. — Вы искали следы магии в теле Хамара? Проверяли, как он мыслит? Как нормальный человек или что-то в его голове сдвинулось?

— Тебе кто-то надиктовал вопросы, варвар? — спросил Абу.

Конан ждал, что тот не ограничится оскорблением и решится продолжать ответ, сообщив, что за магию применили он и его товарищи.

Но Абу молчал.

Киммериец начал понимать, почему Шеймасаи столь быстро и легко согласился на аудиенцию с магами.

— Отвечайте, мастера, — настаивал Конан. — Мне уже надоело любоваться вашими кислыми рожами, но свою угрозу я осуществлю. Вы отсюда никуда не уйдете, пока я не удовлетворюсь вашими ответами.

— Ты надеешься помешать нам уйти? — расхохотался «средний» человек Абу.

— Нет, но если вы уйдете, я убью вас, — улыбнулся в ответ киммериец. — У вас же есть заклятья, мастера, для проверки того, врет ваш собеседник или нет. Так проверьте мои слова. Я убью вас.

— Правду говорит, — впервые подал голос Замаригдид. — Во все сам верит.

— Мы знаем, что ты не врешь, иноземец, — сказал Наджамаль. Маги словно соревновались между собой, кто придумает больше разных обращений к Конану. — Но я не верю, что ты сможешь осуществить свою угрозу. И мои братья наверняка в этом со мной согласятся. Однако посол просил помочь тебе. Мы не хотим его расстраивать.

— Ты – никто, — добавил Замаригдид.

Конан перевел взгляд на старика, но тот больше ничего не сказал. Сидел, уподобившись статуе, — недвижимо и вперив глаза в одну точку где-то позади киммерийца.

— Я о вас того же мнения, — сообщил магам сотник.

— Ты нас неправильно понял, — вновь снизошел до объяснений Наджамаль. Он казался киммерийцу самым нормальным из трех вызванных колдунов. — Ты можешь быть хорошим

воином, обладать достаточной толикой ума, чтобы задавать правильные вопросы, но ты всего лишь солдат. При иных обстоятельствах в Аграпуре маги нашего ранга даже не заговорили бы с тобой, сотник. Быть может, через десять или пятнадцать лет службы ты возвысишься достаточно, чтобы иметь право вопрошать у нас. Но не сейчас. Запомни, мы лишь выполняем просьбу Шеймасаи. И не стоит тебе грубить и угрожать нам.

— Это предупреждение, — сказал молчавший долгое время Абу.

Киммериец даже не посмотрел в его сторону, обращаясь к Наджамалю:

— Вам неприятно мое общество – это нормально. Я тоже не получаю большого удовольствия от нашего общения, так что, может, приложим все силы к тому, чтобы поскорее разойтись?

— Ответьте ему, — посоветовал товарищам Замаригдид.

— Хорошо, я расскажу о заклятьях, — сказал Наджамаль. Одновременно он поднял руку, призывая к молчанию Абу, готового вставить возражение. Столь резкий жест не прошел бесследно для хрупкого организма мага. Наджамаль вновь зашелся в тяжелом приступе кашля. Все терпеливо ждали, пока он справится с ним. Когда победа было одержана, туранец продолжил объяснение. — Ты пытался задавать умные вопросы, северянин. Это заметно. Но заметно и то, что в магии ты не силен. Следов в том смысле, какой ты вкладываешь в это слово, в теле и сознании остаться просто не может, если над человеком, конечно, работал хотя бы мало-мальски обученный маг. Мы проверяли, изменилась ли у Хамара сопротивляемость различным видам магии. Человек, подвергшийся заклятью, долгое время менее устойчив к воздействию колдовства того же рода. И, наоборот, заклинания противоположной направленности он переносит с большей легкостью. Сопротивляемость Хамара ни чем не отличалась от сопротивляемости обычного человека.

— Ее можно уравновесить? — спросил Конан

— Нет, — ответил ему Замаригдид. — Если ты не Тот-Амон.

— Хорошо, — не стал спорить киммериец. — А сознание? Как вы проверяли сознание?

— Соврать бы тебе, — сказал Наджамаль. Через мгновение он расхохотался. От Конана смысл шутки как-то ускользнул. — Наши далекие предки, судя по книгам, что-то понимали в ментальной магии. Может, однажды и потомки сумеют в ней разобраться. Но для нас мысли человека – темный лес.

— Надо будет выделить время в Аграпуре и узнать побольше о вашей братии. Тогда, надеюсь, вопросы будут не столь глупыми.

— Никто тебя не подпустит к подобным знаниям, — за минувший приступ веселья Наджамаль заплатил очередной порцией своего гадкого сухого кашля. Сейчас маг говорил с заметным трудом. — Давай, прекратим тратить время друг друга? Я могу тебе поклясться, что мы испробовали все известные нам методы проверки. Хамара никто не околдовывал.

— Считаете, что он ненормальный?

— Видимо, — ответил Наджамаль. — Стал бы нормальный человек совершать все эти убийства?

— Верно, безумие ведь с помощью магии не установишь, — киммериец вспомнил слова колдуна о ментальных заклятьях. — Вы оценивали его как простые люди?

— Как ученые люди, — ответил Замаригдид.

Глава 11.
Второй день расследования
Казармы

Конан не знал, сколько у него было времени в запасе.

Дом Сатти мог заинтересовать не только киммерийца, но и множество других людей. В первую очередь тех, кто убил тысяцкого. Не стоило забывать и про стражей, которые наверняка уже обратили внимание на исчезновение Сатти. Возможно, были и другие любители интриг, что могли решить воспользоваться случаем и покопаться в тайниках одного излишне любопытного вендийца.

Шансов, что киммерийца опередили было немало. Но имелась одна вещь, которая вселяла надежду в сердце Конана. Сатти жил в центре города, там, где всегда полно народа, и чтобы залезть к нему домой при свете дня надо было быть изрядным наглецом.

Но сейчас солнце уже практически скрылось за горизонтом. У Телиды Конан провел около колокола.

Оставалось наведаться в казармы, определиться, что делать с Амьеном. Шеймасаи не сказал, когда именно он пришлет мага, но Конан так понял, что все-таки сегодня.

Надежда его оправдалась. Уже у ворот солдата оповестили Конана, что к нему прибыл визитер.

— Сотник, полколокола назад прибыл маг из посольства, — сказал один из туранцев, несших дежурство. — Хасан встретил его и отвел в дом, но колдун говорил, что желает общаться именно с вами.

— Хорошо, я понял, — кивнул киммериец.

Внутри дворца Конан быстро выяснил у солдат, куда именно отвел мага Хасан. Десятник не стал ничего выдумывать и оставил колдуна ожидать киммерийца в зале для приема почетных гостей.

Чтобы маг не чувствовал неудобств, ожидая возвращения сотника, слуги принесли в залу несколько больших блюд с кушаньями и два кувшина, заполненных жидкостью. Наверняка вином.

Наджамаль, а это к вящей радости киммерийца был именно он, даже не подумал притронуться к еде или напиткам.

Одет маг был более нарядно, чем во время прошлой их встречи с северянином. Колдун сегодня блистал черным балахоном с золотой вышивкой. Одеяние выглядело чрезвычайно неудобным, хотя и эффектным. Конан подумал, что днем Наджамаль в этом балахоне просто бы сварился от местной жары, хотя и вечером его ощущения наверняка были малоприятными. На пальцах мага красовалось множество перстней из золота и серебра с инкрустированными в них камнями. Головного убора не было, зато волосы были залиты непонятной субстанцией, от которой они сохраняли неподвижность, при этом источая сильный розовый запах.

Услышав шаги вошедшего в залу киммерийца, Наджамаль оторвал взор от созерцания пола и тут же зашелся в приступе кашля.

Конан вежливо дождался, пока его гость осилит свой недуг, и только после этого его поприветствовал.

— Добро пожаловать, мастер, — сказал северянин. — Можете мне не верить, но я действительно рад вас видеть.

—— Да, пожалуй, — согласился маг. — Визит Абу или Замаригдида вряд ли бы больше пришелся тебе по душе. Шеймасаи сказал, что он хочет, чтобы я осмотрел одного из твоих солдат.

— Это все, что он сказал? — попытался уточнить киммериец.

— Что ты имеешь в виду? — спросил маг.

Конану показалось, что удивление, которое он увидел на его лице, было деланным.

— Он мог сказать вам, чтобы вы осмотрели солдата, — ответил северянин. — В этом случае он сказал все. Но он мог добавить еще что-нибудь. И тогда получается, что он сказал не все. Я имел в виду примерно это, когда задавал свой предыдущий вопрос.

— Ты дерзишь мне, киммериец, — сказал маг.

— Абу я бы уже дал в зубы, — произнес Конан. — В прошлый раз вы оставили впечатление человека, способного к нормальному общению. Не заставляйте меня в вас разочаровываться. Я должен знать, что именно рассказал вам Шеймасаи. Это касается интересов Турана.

Наджамаль прокашлялся.

— Интересов Турана? — спросил он.

— Так и есть, — ответил Конан.

— Ты мне врешь и при этом осмеливаешься прикрываться Тураном?!

Наджамаль приподнялся из кресла. Лицо его сделалось красным от ярости. Несколько мгновений он хватал воздух широко открытым ртом. Конан не понял, было ли это следствие гнева или же маг в очередной раз пал жертвой своей болезни.

— Вы в порядке? — осведомился киммериец.

Не хватало еще посылать за другим лекарем, чтобы спасти присланного Шеймасаи.

— Нет. Неужели это не заметно? — тяжело вздохнув, выговорил маг и опустился назад в кресло. — Я умираю. Совсем скоро, сотник, ты со своими людьми будешь собирать ветки для моего погребального костра. И меня эта перспектива очень огорчает. Я не в порядке, киммериец.

— Сочувствие мое вам, все равно, я чувствую, не нужно, — сказал Конан. Маг очень удивил его своим признанием. Киммериец, в самом деле, не знал, как на него реагировать. — Так что, обойдусь без лишних ложных слов. Только пожелаю не отправляться на Серые Равнины, пока я не покину Айодхью. Не желаю иметь дело с Абу.

— По крайней мере, честно, — улыбнулся колдун. — Я, пожалуй, погорячился, когда назвал тебя лгуном. Но сути сказанного это все же не меняет. Ты говоришь, что защищаешь интересы Турана, утаивая нечто, связанного с твоим солдатом.

— Нергал вас забери! — выругался Конан и тут же сообразил, что именно он сказал. Но извиняться было глупо. — Наверняка мы оба знаем все об Амьене, только признаться в этом друг другу не хотим! Не такой дурак Шеймасаи, чтобы не рассказать вам, что происходит.

— Ну, так скажи мне, что такого с Амьеном? — попросил колдун.

— Нет уж! Вы – первый! — настаивал Конан.

— Мне надоел этот бред, — махнул рукой Наджамаль. — Ваш солдат вернулся от фансигаров безумцем, и нам предстоит выяснить, что именно они с ним сделали.

— А сразу нельзя было? — зло выговорил киммериец.

— Я хочу, чтобы ты понял, как надлежит общаться с магами, — объяснил туранец. — Только боюсь, это дохлый номер. Ты самовлюблен и упрям, как осел.

— Если бы оно так было, — усмехнулся Конан, — я бы отлично понимал магов, словно все они мои родные братья. Но, к счастью или к сожалению, ваша братия для меня – тайна, покрытая мраком, распознать которую, к тому же, я не особо стремлюсь.

— Надо было попросить Абу заняться солдатом, — как бы отстраненно произнес маг.

— Не надо было, — сказал киммериец. — С вами я могу нормально общаться. Только не

стоит учить меня уважению. Просто ведите себя достойно. Я оценю, поверьте.

— Займемся солдатом? — предпочел переменить тему Наджамаль.

Конан так и не разобрался, как относится к нему этот болезненный колдун: симпатизирует или, наоборот, едва сдерживает гнев или презрение.

— Конечно, — согласился киммериец.

И они отправились в комнату десятника.

Северянин решил не брать с собой ни Хасана, ни Масула. Им он отдаст распоряжения после того, как Наджамаль покинет казармы: ни к чему было показывать магу, кому из десятников он доверяет настолько, что посвятил их в тайну Амьена.

Когда сотник и колдун вошли в комнату, больной мирно спал. В принципе, больше ему делать было нечего. Связали его товарищи довольно крепко, и от кляпа он не сумел избавиться. У Конана его вид вызвал жалость.

— Крепко ты с ним, — Наджамаль тоже по достоинству оценил положение Амьена.

— У меня не оставалось выбора, — сказал киммериец. — Договориться с ним не получилось бы. Я не хотел, чтобы другие солдаты знали, что случилось с Амьеном.

— Правильно, — похвалил сотника Наджамаль. — Лучше всего будет, если он и впрямь безумен, поскорее его убить.

На этот раз киммериец воспринял совет спокойно. Он уже понял, что все те, кто не входит в сотню, узнав про Амьена, будут рекомендовать поскорее отправить его на Серые Равнины.

— Я не хочу его убивать, — сказал Конан. — Это будет нечестно по отношению к бедняге.

— Понимаю тебя, — кивнул Наджамаль. — Ты слишком молод, чтобы всегда слушаться разума. Предпочитаешь доверять сердцу. Пока не изменишься, так и будешь никчемным сотником.

— Значит, такая моя судьба, — не стал спорить северянин. Амьен, разбуженный разговором двух визитеров, с интересом разглядывал мага, время от времени кидая опасливые взгляды в сторону киммерийца. — Может, приступим к делу? Надо его развязать?

— Усади, — сказал колдун. — Этого будет достаточно. Сделать бы еще как-нибудь, чтобы он смотрел мне в глаза…

— Могу подержать голову, — предложил Конан.

— Пойдет, — согласился Наджамаль.

Киммериец подошел к Амьену. Тот, похоже, не уловил сути произошедшего разговора, но вид надвигающегося на него северянина его смутил. Он задергался и попытался отползти в сторону, но путы не позволили ему этого сделать.

— Спокойно, спокойно, — заговорил с ним Конан.

Он отвязал десятника от кровати, одной рукой придерживая за плечо, чтобы тому не вздумалось убежать или броситься на мага. После этого он аккуратно усадил его на край кровати. При этом киммериец ровным тоном, рассчитывая больше на интонацию, нежели на слова, уговаривал туранца не бояться и не мешать ему.

— Мы готовы, мастер, — обратился северянин к колдуну.

Наджамаль приблизился к больному. Амьен, предчувствуя недоброе, занервничал и начал вырываться. Но по силе ему было далеко до киммерийца, и ничего путного из попытки бегства не вышло. Конан крепко прижимал к себе десятника правой рукой, а левой держал его голову, повернутой в нужном направлении.

Колдун коротко кивнул киммерийцу, благодаря за помощь, и начал читать заклятья. Большинство слов было гирканского происхождения. Конан воспринял это, как хороший знак: насколько он знал, темные заклятья в большинстве своем были кхарийской школы.

Амьен волшбу переносил совершенно ровно. Слова Наджамаля его будто убаюкали. Он

перестал дергаться, не пытался отвернуться от мага.

Колдовал Наджамаль недолго. Через десятую часть колокола он прекратил творить заклятья. И тут же зашелся в сильнейшем приступе кашля. Мага так трясло, что он не устоял на своих больных ногах и свалился на пол. Конан не знал, что ему делать: бросаться на помощь колдуну или продолжать держать Амьена.

— Все нормально, — Наджамаль поднял ладонь, показывая киммерийцу, что он справится сам. — Не стоит беспокоиться.

— Вы закончили? — спросил Конан.

— Да, можешь возвращать его в прежнее положение, — ответил маг. Покрякивая, он поднялся с пола, опираясь одной рукой о кровать. — Он – пуст.

— Разум уже не возвратится к нему? — уточнил киммериец.

Одновременно он аккуратно уложил больного. Затем примотал свободные концы его пут к спинке кровати.

— Там разума почти и не осталось, — сказал Наджамаль. Он тоже присел на кровать: сил у него было всего ничего. — Его теперь даже научить разговаривать не получится. Есть, пить будет, на горшок привыкнет ходить. Да и все. Кто-то обрушил на его голову весьма сильное заклятье. Все воспоминания стерли напрочь.

— Еще можете что-нибудь сказать? — поинтересовался Конан.

— Работал новичок или неумеха, — ответил маг. — Во всяком случае, складывается такое впечатление. Заклинание применено мощное. Правда, его происхождение я так и не определил…

Тут Наджамаль о чем-то задумался, потом понял, что не договорил и продолжил:

— Так вот, заклятье вышло хоть и сильное, но очень уж не выверенное. Следов волшбы на твоем человеке – уйма, он от магии чуть ли не светится. Опытный колдун не стал бы так неэкономно расходовать свои силы.

— Стал бы, — поспорил киммериец, — если бы хотел создать видимость, что работал новичок.

— Здесь можно только гадать, — ответил колдун.

— Если вам случайно встретится волшба колдуна, который свел Амьена с ума, — спросил Конан, — вы сумеете ее различить?

— Ты ничего не понимаешь в магии, — вздохнул Наджамаль. — Самое большее, я смогу сказать, похож ли стиль волшбы на тот, который использовали здесь. Но это ни в коем случае не будет доказательством того, что работал один и тот же человек.

— Надеяться на иной результат было глупо, — признал киммериец. —— Хорошо хоть Амьена не превратили в нечто вредоносное. От безумца проблем, конечно, прибавится, но не сильно. Примите мою благодарность за работу. Шеймасаи тоже можете передать, что я ему признателен.

— Хорошо, — ответил маг. — Если не забуду.

— Может, теперь отужинаете? — продолжал исполнять роль гостеприимного хозяина Конан, хоть ему и не терпелось поскорее отправиться к Сатти.

— Благодарю, сотник, но у меня дела.

— Я распоряжусь, чтобы вас проводили.

— До ворот.

Конан только был рад уточнению колдуна: ему не хотелось отпускать солдат в город.

Они с магом покинули комнату. Наджамаль сильно хромал, и Конан поддерживал его за локоть.

Вскорости колдун был перепоручен двум встреченным солдатом. Конан попрощался с

Наджамалем, еще раз поблагодарив его за помощь, и отправился искать Хасана с Масулом.

Первым нашелся султанапурец.

— Хасан говорил, что от Шеймасаи приходил человек, — обратился он к Конану. — Настоящий лекарь или подделка?

— Настоящий, — сказал киммериец. — Но не лекарь, а маг.

Северянин осмотрел по сторонам: они стояли в коридоре, и, находись кто поблизости, их могли бы подслушать.

— Наши подозрения насчет Амьена подтвердились, — продолжил Конан, когда убедился, что рядом никого нет. — Колдун сказал, что его лишили разума магией. Излечить его не получится.

— Это даже хорошо, — сказал Масул. — Хоть и жестоко так говорить, но, заговори он, у нас могли бы возникнуть проблемы. Кстати, колдун не мог тебя обмануть?

— Ну, и вопросы у тебя! — усмехнулся киммериец. — Кто ж их, магов, разберет?!

— Да, глупо спросил, — признал султанапурец. — Пойдем устраивать беднягу Амьена? Хасану его еще кормить и подтирать, пусть пока отдохнет.

Десятник сделал несколько шагов к комнате Амьена. Но Конан за ним не последовал. Масул увидел это и остановился.

— Что? — непонимающе спросил он.

— У меня есть дела в городе, — сказал Конан. — Управишься один?

— Управлюсь, конечно, — султанапурец спокойно воспринял, что возиться с Амьеном ему придется в одиночку. — Вернешься или на всю ночь?

— Пока не знаю, — честно ответил киммериец. — Рано или поздно вернусь.

— Ладно, удачи.

Северянин про себя подумал, что сейчас не только ему, но и всей сотне, очень надо, чтобы удача хоть ненадолго встала на его сторону.

Солдаты в казарме смотрели на направляющегося к воротам киммерийца без особой зависти. Им уже надоела эта страна и этот город. Они желали поскорее возвратиться назад в Аграпур, повидать старых друзей и оставленных в столице Турана любовниц.

Теперь лишь от Конана зависело, когда сотня отправится домой. После гибели Сатти Телида не решилась бы и дальше затягивать отъезд. Но киммериец не мог покинуть Айодхью до того, как отыщет тех, кто использовал Хамара и убил браминов. Значит, придется туранцам еще немного потерпеть разлуку с подругами.

Но был и еще один человек среди солдат, который совсем не спешил домой.

Бернеш возник перед киммерийцем, почти сразу, как тот свернул с улицы, на которой располагался дворец, отведенный для туранской сотни.

— Я не решился оставлять для тебя сообщение, — сказал бастард, пристраиваясь по правую руку от Конана, который даже не подумал остановиться и продолжал быстро выхаживать вперед. — Но и в казармах дожидаться тебя мне тоже было не по душе.

— Ты следил за мной? — строго спросил северянин.

— Не совсем, — многозначительно ответил Бернеш. — Я ждал, когда ты заглянешь в казармы. Потом дождался, пока ты выйдешь. Кстати, наблюдал в гостях у нас одного из магов Шеймасаи. Он к тебе приходил?

— В каком-то смысле – да.

— Ну, вот, как за ним ты вышел, я и отправился догонять тебя. Объяснишь теперь, чем именно ты занимаешься?

— Нет времени, — отмахнулся Конан.

Потом киммериец подумал, что он, пожалуй, спешит. Бернеш мог ему пригодиться именно

здесь и сейчас.

— Но как? — возмутился бастард.

— Ладно, пойдешь со мной, — объявил свое решение северянин. — Мне может понадобиться помощь.

Конан помнил, что Бернеш как воитель далеко не ровня тому же покойному Хамару, но все же он знал, с какой стороны держать саблю. И как-то же он перенес все свои сражения! Лишний клинок в доме Сатти мог оказаться нужным, вздумай его навестить другие охотники до записей любознательного тысяцкого.

— Я согласен, — тут же выпалил Бернеш. Впрочем, до этого он ни на миг не сбавлял шагу, давая понять, что будет следовать тем же путем что и его сотник. — Куда мы направляемся.

— В место, где хранятся секреты, — сказал Конан. — Лучше будет, если мы доберемся туда первыми и уйдем, пока не появились другие искатели тайн.

— Говоришь загадками, — недовольно сказал бастард.

Он вслед за Конаном прибавил шагу. Народу на улицах осталось уже мало, и можно было идти без боязни на кого-нибудь наткнуться.

— Потому что объяснять слишком долго, — ответил киммериец. Историю всех своих похождений в Айодхье по его прикидкам он сумел бы изложить самое меньшее за два колокола.

— Но сколько-то времени у нас есть в запасе, — не сдавался Бернеш.

— Мертвого уболтаешь, — подвел итог всем просьбам подчиненного северянин. — Все равно, не отстанешь. Спрашивай: что успею, то расскажу.

— Надеюсь, после дома с секретами, — сказал Бернеш, — у нас будет и время, и возможность поговорить поподробнее… Сейчас подумаю, что больше всего хочу узнать. Вот! Сотник, какая связь между твоим назначением и помешательством Хамара?

Такого вопроса киммериец никак не ожидал. Ему даже и в голову не приходило, что кто-то может попытаться связать его, Конана, назначение с тем, что Хамар в Айодхье сошел с ума и принялся резать браминов.

— Какая еще связь?! — заявил Конан.

— Есть два факта, — принялся объяснять бастард, очень спокойно отреагировавший на возмущение киммерийца. — Первый: тебя послали в Вендию с какой-то неизвестной мне целью, для решения задачи, которая важна ни много, ни мало для благополучия всего Турана. Поверь, увидеть северянина во главе сотни почетного сопровождения для вендийцев было настоящим шоком. У империи должны были быть веские основания, чтобы подставить свой престиж под такой удар.

Конан подумал, насколько же хитро поступил Илдиз. Даже его собственные десятники считали, что северянин должен был сотворить в Вендии нечто весьма и весьма значимое. Что творилось в головах у вендийцев, было совсем сложно представить. В такой ситуации те, кто замышлял недоброе против Турана, просто не могли не проявить себя.

И они себя проявили. Тот же Сатти, скорее всего, погиб именно из-за того, что взял к себе в компаньоны загадочного туранского сотника.

Только теперь непонятно было, что делать с этими проявившими себя врагами. В отличие от окружающих, киммериец понимал, что он знает и может очень мало.

— И второй факт, — продолжал тем временем Бернеш. — Единственное, но весьма значимое событие в сфере взаимоотношений Турана и Вендии – это совершение нашим солдатом в столице кровавой расправы над семью браминами и их близкими. Должна быть связь. Ты просто не можешь не иметь отношения к этой резне.

— На что ты намекаешь? — Конан не понял, уж не вздумал ли Бернеш обвинять его в убийствах.

— Я ни на что не намекаю, — открестился десятник. — Я привожу факты.

— Тогда, позволь чуть-чуть поколебать свое ошибочно сложившееся мировоззрение, — зло сказал киммериец. Ему очень не понравились подозрения Бернеша. — Третий факт. Десятник, заменивший Газила, Амьен то есть, вполне возможно, имеет самое прямое отношения к фансигарам. Когда у меня, а, я думаю, что еще и у местных стражей накопилось достаточно оснований, чтобы допросить его, некий неизвестный маг, наделенный немалой сил, взял и вычистил до основания и его память. Что скажешь?!

— Что это очень интересно, — замялся Бернеш.

— А сколько еще есть всего, что мы не знаем! — продолжал кричать на десятника Конан. — Рано ты начал строить догадки. Мостики выстраивать! Не имею я никакого отношения к Хамару. Разве что кроме того, что все свое время трачу, пытаясь отыскать тех, кто стоит у него за спиной.

— Хорошо, извини, — пытался успокоить киммерийца бастард. — Я и не пытался тебя в чем-то обвинять.

— Еще как пытался! — рявкнул Конан. — Нергал тебя задери!

Северянин ужасно злился. Он решился довериться Бернешу, взять его в помощники, а тот первым делом предъявил свои догадки, что якобы Конан как-то направлял Хамара. Хорошо хоть, услышав про Амьена, бастард умолк.

Но поостыв киммериец осознал, что именно он выболтал Бернешу, чтобы отвести от себя обвинение.

Не стоило рассказывать ему правду об Амьене да еще добавлять про мага, что над ним поработал. Это знание Конан собирался оставить лично для себя, не вовлекая никого в тайну внезапного недуга Амьена.

Случайно или нет, но Бернеш легко вытянул из него нужные сведения.

— Я же извинился, — сказал бастард, когда увидел, что порыв гнева у его спутника спал. — Ответишь еще на вопрос?

Киммериец заговорил не сразу. Ему хотелось послать десятника куда подальше. Но это было бы слишком просто. Он решил считать Бернеша союзником, значит, и относится к нему нужно было соответственно, не обращая внимания на странные рассуждения и обвинения.

— Давай, спрашивай.

— Скажешь, что именно тебе поручили в Аграпуре?

— Мне запрещено об этом говорить.

— Ты искал убийцу нашего прежнего посла? Да?

Киммериец вздохнул, дивясь тому, насколько же приставуч десятник.

— Скажем так, — произнес Конан, — поиски убийцы входят в сферу интересов Турана.

— Тебя так в Киммерии научили говорить? — полюбопытствовал Бернеш. —— Я думал вы там только воюете клан с кланом и едите мерзкие блюда из кишок.

Бастард повернулся к Конану, демонстрирую тому свою лучезарную улыбку. Ход был правильный. Северянин уже собирался врезать туранцу, но вовремя понял, что тот всего лишь шутит.

— Был в шаге от смерти, — сообщил товарищу Конан.

— Продолжаем разговор? — не успокаивался Бернеш.

— Пошел к Нергалу, — отмахнулся сотник.

— Ну, и отлично, — сказал бастард. — Я уже было испугался, что ты не захочешь дальше со мной говорить. Терпение – твой конек.

— Заткнись, — дал совет киммериец.

— Скажи хотя бы, куда именно мы идем?

Киммериец подумал, что этот вопрос вполне разумный. На него правильным было ответить.

— Я знал одного вендийца, — сказал Конан. — Он расследовал убийство нашего посла и резню, устроенную Хамаром. Насколько мне известно, сейчас он мертв. В доме у него могут храниться его рабочие записи. Я хочу их заполучить.

— Откуда ты знаешь, что он мертв? — Бернеш задал свой вопрос, но, глянув на киммерийца, поняв, что тот не собирается отвечать, задал другой. — Я имею в виду, как давно гуляет по городу известие о его смерти? Велики шансы, что нас могли опередить?

— Кто его знает? — сказал Конан. Он и сам не представлял, кто и когда может, кроме него, решиться влезть в дом к Сатти. — Наверное, велики. Пока те, кто находится по другую сторону доски, переигрывали меня вчистую. Почему я должен думать, что сейчас все будет по-другому?

— Оптимистично, — дал свою оценку Бернеш.

— Все, заткнись, — не позволил ему продолжить фразу киммериец. — Мы почти пришли.

До дома Сатти по его прикидкам оставался всего один квартал. Это, конечно, если он не перепутал ориентиры, о которых поведала ему Телида.

На улице было тихо. Не то чтобы звуков совсем не было: шумел мелкими камушками ветер, доносилось эхо людских голосов из расположенных по сторонам домов, где-то лаяла собака. Но прохожих, кроме киммерийца и Бернеша, на улице не осталось. Для Айодхьи это было странно, даже для столь позднего времени суток.

Конан переместился к правому краю улицы, увлекая за собой замолчавшего, наконец, Бернеша. Дома на этой стороне стояли неровно, и двух путников в тени было различить не столь просто.

Так, тихо крадучись, они подобрались к самому дому Сатти.

Это было двухэтажное строение. Выглядело оно несколько необычно. Кладка дома казалась более крепкой, чем у соседних. Жилище невольно вызывало ощущение надежности. Киммериец заподозрил, что дело было в магии, которую покойный тысяцкий мог использовать в защите стен.

Но, самое главное, в доме почти не было окон. Те, что имелись, располагались на уровне второго этажа, и были чрезвычайно узкими. Собственно, они больше походили на бойницы, нежели на окна.

Сатти при жизни заботился о своей безопасности.

Киммериец подумал, что зря он не принял в расчет то, что тысяцкий мог озаботиться не только крепкими замками, но и магической защитой. Сейчас он полагал, что если они смогут просто проникнуть внутрь дома, одно это уже можно будет считать удачей.

Тут Бернеш слегка потеребил киммерийца за рукав.

— Тебе это ничего не напоминает? — шепотом поинтересовался он у Конана.

— Не понял, — ответил киммериец.

Его мысли были целиком заняты защитой дома, и он не смог так сразу разобраться, что на этот раз заинтересовало десятника.

— Улица совсем пуста, — сказал Бернеш. — Когда Хамар убивал вендийцев, рядом с их домами тоже никогда никого не оказывалось. Во всяком случае, никто не признался.

— Совпадение, — не согласился Конан.

Записи тысяцкого и покойного посла, конечно, представляли из себя лакомый кусочек, но сравнить охоту за ними с охотой за браминами у киммерийца рука не поднималась.

— Пожалуй, — кивнул Бернеш, немного удивив северянина тем, насколько быстро отказался от своей идеи. — Как будем пробираться внутрь?

—— Я могу попробовать влезть в окно, — предложил киммериец. — Оно, конечно, узкое, но не настолько.

— Может, сначала испытаем дверь? — сказал бастард. — Вдруг открыта.

До того, как сотник успел его остановить, он быстро двинулся вперед. Конан мог только посылать вслед проклятья, и то про себя.

Бернеш добрался до заветной двери. Потянул на себя. Разумеется, ничего дельного из его затеи не вышло. Дверь оказалась заперта. Бастард бросил на Конана расстроенный взгляд и пожал плечами, показывая, что рассчитывал на другой результат.

Десятник сделал шаг по направлению к углу дома, за которым ожидал его притаившийся киммериец. Но тут что-то привлекло внимание бастарда. Он замер, повернулся к двери… и уже через мгновение отшатнулся назад. Одновременно дверь распахнулась. Из нее на улицу брызнул теплый желтый свет.

Раздался тихий звук. Что-то вроде шелеста. Бернеш коротко вскрикнул и завалился на землю.

Времени на раздумья у киммерийца не оставалось. В два прыжка он долетел до двери, выставив перед собой руку, не давая ей закрыться. Краем глаза он заметил, что Бернеш корчился от боли. По крайней мере, он был жив. Пока.

Стоило Конану оказаться на пороге дома, как на него набросился человек с саблей. Внутрь дома убегал второй ночной визитер. В руке у него была маленькая бамбуковая трубочка. Похоже было, что из нее он что-то выдул в лицо Бернеша. Но сейчас киммерийцу было не до погони за любителем хитроумного оружия: он уворачивался от клинка первого вендийца, демонстрируя чудеса ловкости.

Достать собственное оружие у киммерийца времени не было. Но получилось расправиться с противником и без помощи сабли. Клинок вендийца после очередного выпада, которым он пытался достать Конана, застрял в дверном косяке. Тут же северянин могучим ударом кулака сломал шею врага.

За спиной Бернеш уже даже не стонал. Времени заниматься бастардом у киммерийца не было: если в доме был хоть один арбалетчик или у того парня остался еще порошок для его трубочки, для Конана это могло обернуться серьезными неприятностями.

Он вынул саблю и быстрым шагом, ступая, однако, абсолютно беззвучно, двинулся в ту комнату, куда скрылся второй вендиец.

Убедившись, что за приветливо приоткрытой дверью никто не притаился, Конан быстро вошел внутрь, одновременно отпрыгивая в сторону на тот случай, если кто-нибудь вздумал бы выпустить в него арбалетный болт.

Ничего такого не произошло. В комнате в тот момент никого не было.

Конан обратил внимание, что здесь, как и предыдущем помещении горело несколько масляных ламп, дававших обильный свет. Зачем он понадобился ночным визитером, догадаться труда не составило. Вся комната была разворочена. Вендийцы, также как и Конан, пришли за записями тысяцкого, и точно также не знали, где именно они хранятся. Последнее стоило расценивать как удачу.

Вдруг со второго этажа послышался шум.

Через пару мгновений на лестнице, которая находилась как раз в той комнате, где стоял киммериец, появилось двое молодчиков с саблями, облаченные в кольчуги. Арбалетов у них не было. Но помимо этого, у них еще не было и шлемов, и Конан узнал в воителях двух из трех гвардейцев, что пленили его у дворца повелителя.

Вендийцы медлили, не спешили нападать на Конана. Он быстро сообразил, что их глаза еще не привыкли к свету. Окна второго этажа были темны, значит, ночные визитеры жгли лампы лишь внизу, боясь привлечь к себе внимание. Вот сейчас гвардейцы и расплачивались за такую тактику.

Конан взбежал вверх по лестнице. Сначала он сделал выпад в живот одному из вендийцев.

Тот попытался отбить удар, но вышло у него это неуклюже. И клинок киммерийца вспорол ему живот. Кольчуга не спасла своего обладателя.

Второй вендиец, тем временем, сам напал на Конана. Но и у него движение получилось весьма невыверенное. Киммериец без труда увернулся от сабли и ударил в ответ. Целился он вбок, стремясь покалечить противника, а не убить его. Это желание чуть не стоило ему жизни. Но сей раз клинок кольчугу не пробил. Хорошо, что удар сам по себе вышел достаточно сильный.

Гвардеец захрипел от боли. Глаза его закатились, и он рухнул на пол без сознания.

На всякий случай, киммериец ударил его ногой в висок, чтобы враг не скоро очухался. Затем Конан наклонился к вендийцу и оторвал кусок ткани от его рубахи, выдернув ее за горло из-под кольчуги.

Материей он обмотал лицо, оставив не прикрытыми только глаза. Конан не жаждал повторить участь Бернеша. Обладатель трубочки мог сейчас притаиться в ожидании, когда киммериец войдет в комнату.

Но иного выхода у Конана не оставалось. Необходимо было двигаться дальше.

Он повторил тот маневр, что уже совершал внизу: быстро вошел и тут же отпрыгнул в сторону. И вновь на него никто не напал.

Конан осмотрелся. В комнату через открытую дверь проникало немного света с первого этажа. На первый взгляд никого внутри не было. Но враг вполне мог затаиться, например, под кроватью. Киммериец уже собрался проверить все места, где мог прятаться оставшийся вендиец, как услышал на улице шум.

Подойдя к окну, северянин увидел убегающего вдаль по улице обладателя бамбуковой трубочки. Судя по комплекции, это был именно он. За спиной у вендийца находился большой матерчатый мешок. Полный.

Конан оценил свои силы и понял, что бросаться в погоню он уже опоздал.

Как, скорее всего, опоздал и проверять тайники в доме Сатти. Вендийцы опередили его и наверняка забрали с собой все, что представляло ценность.

Но, по крайней мере, у Конана оставался пленник, который мог многое рассказать. Уже дважды этот гвардеец оказывался на пути сотника.

Киммериец, на всякий случай, быстро осмотрел комнату. Ничего интересного, как и следовало ожидать, он в ней не нашел. После этого он вернулся к поверженному гвардейцу. Тот еще не очнулся.

Конан решил, что сколько-то времени у него в запасе оставалось. Надо было спуститься посмотреть, что с Бернешом. Если сумасбродный десятник скончался, лучше было поскорее втащить тело в дом.

Но до входной двери дойти ему было не суждено. Как только киммериец спустился с лестницы, он увидел перед собой тень.

Тут же он вспомнил, что забыл выпить очередную порцию репилента. Северянин потянулся к сумке, притороченной к поясу, в которой он лежал. Но достать эликсир он не успел. Руки и ноги перестали его слушаться.

Медленно вдоль стены киммериец сполз на пол. Невидимые пальцы обхватили его горло и начали душить. В этот раз тень действовала куда медленнее, чем во время первой их встречи в покоях сотника в казарме. Конан чувствовал, что она умышленно держит его на грани между жизнью и смертью, и у него не было никаких шансов избавиться от ее цепких объятий.

Тень долго выжидала, выбирая момент и теперь наслаждалась заслуженной победой.

Тут Конан, сквозь пелену, застилавшую ему глаза, различил ползущего к нему по полу Бернеша. Передвигался десятник с огромным трудом, но все же постепенно приближался к киммерийцу.

Тень пока что его не замечала, увлеченная муками северянина.

Конан, собрав последние остатки сил, сделал короткое движение рукой. Указал на сумку. Оставалось надеяться, что Бернеш правильно истолкует его жест.

Время текло невероятно медленно. Тень мучила киммерийца, а бастард едва заметно двигался. Конан чувствовал, что вот-вот не выдержит, и сердце его остановиться.

Но он еще крепче сжимал зубы и терпел. Наконец, десятник добрался до поверженного тень киммерийца. Тварь его так и не заметила.

Бернеш правильно понял, что хотел показать ему киммериец. Он размотал тесемки сумки, проник в нее рукой и, недолго пошарив, извлек на свет пузырек с репилентом. Счастье, что в сумке не было больше ничего, что сошло бы за средство борьбы с демонами.

Едва бастард вынул из пузырька пробку, как тень отлетела прочь.

Киммериец сразу почувствовал себя лучше. И тут же ему в голову пришла одна совершенно безумная мысль.

— Прикрой слегка пробку, — попросил он Бернеша. — Давай, за ней понаблюдаем.

— Давай, — согласился бастард.

Он прислонил пробку к горлышку так, чтобы репилент не проникал в воздух комнаты. Но случись что с Бернешем, сосуд вновь оказался бы открыт.

— Смотри, — произнес киммериец.

Тень медленно вползла в комнату. Двигалась она медленно, по дальней от солдат стене. Конан чувствовал, что она боится.

Он не ошибся: существо, что охотилось за ним, обладало и разумом, и чувствами. Оно напоминало своим поведением даже не животное, как полагал раньше киммериец, а человека.

Не спеша, аккуратно перемещаясь со стены на стену, тень добралась до поверженного Конаном бессознательного вендийца. Конан испугался, что она может убить ценного пленника, и уже собрался велеть Бернешу прогнать демона, как вдруг вендиец очнулся.

Он медленно поднялся на колени и бросил взгляд на солдат.

Глава 12.
На второй день после пятого убийства
Храм Иштар

Конан подошел к воротам, ведущим к храму Иштар, в жаркий полуденный колокол.

Больше всего киммерийцу сейчас хотелось выпить прохладного вина. И уж тогда, насладившись напитком, можно было развлечься с Рамини.

Любовные утехи с вендийкой доставляли ему огромное удовольствие. Жрица успела хорошо изучить, что именно нравиться делать в постели Конан. Столь качественно киммерийца никто не ублажал со времен Шадизара.

С другой стороны Рамини недоставало той наигранной невинности, что была у Залиль. Внучка Телиды была еще очень молода, и молодость свою она обратила в козырь. Она часто вела себя, словно была девственницей, любила изображать смущение, ругала киммерийца за то, что тот «мучает» такую маленькую девочку.

Конан мечтал как-нибудь позвать Залиль в храм к Рамини и другим жрицам. Но он сомневался, воспримут ли там девочку как равную. Был даже шанс, что ее могут просто не пустить внутрь.

Так что мечты пока оставались лишь мечтами.

— Приветствую, — сказал Конан двум богатырям, что стояли на страже у ворот.

Те традиционно ему ответили.

Киммериец усмехнулся и прошел во двор. Посетителей перед храмом видно не было. Жара отпугнула всех желавших поклониться статуе Иштар. Разве что внутри храма кто-нибудь мог предаваться любви со жрицей.

Возможно даже, что с Рамини. Интересно, как вендийка отреагировала бы, вздумай он вышвырнуть верующего из ее комнаты и самому занять его место…

Наверное, обиделась бы.

— Здравствуй, рада тебя видеть, — одна из жриц выбежала из храма навстречу Конану.

Скорее всего, она тайком наблюдала за воротами. Соскучилась по посетителям?

Северянин припомнил, что девушку звали Махира. Несколько раз она была с ним и Рамини. Больше ничего о ней Конан сказать не мог.

— Приятно, когда тебя так встречают, — сказал киммериец.

— Ты здесь самый желанный гость! — заявила девушка. — Только вот Рамини сейчас нет, она ушла в город. Надеюсь, ты останешься?

Конан как-то не принял в расчет возможность, что Рамини может не оказаться в храме. Но, в конце концов, это был не повод отказываться от холодного вина, да и жрицы, он не сомневался, не откажут ему в любви.

Хотя бы та же Махира. Девушка, как и большинство жриц Иштар, была красива. Высокая, смуглая, с длинными черными волосами. Может быть, она была немного полновата, но не сильно. Грудь, насколько помнил Конан, у Махиры была красивой, большой и упругой. Вот и сейчас ее очертания замечательно угадывались под одеяниями жрицы.

К тому же, если Конан не ошибся в своих предположениях, ей очень хотелось мужчину. Не даром же она вышла к нему.

— Если ты меня сможешь чем-нибудь занять, — сказал северянин. — Или ты сегодня не принимаешь поклонников Иштар?

— Ты – не поклонник Иштар, сотник, — улыбнулась жрица.

Махира приблизилась к киммерийцу и жарко поцеловала его в губы. Рука ее бесстыдно скользнула в штаны Конана.

Когда северянин начал в ответ ласкать жрицу, она отстранилась от него, сделала шаг по направлению к храму и поманила пальчиком сотника.

— И все же отказать тебе я не смогу, — закончила она свою предыдущую фразу. — Идем ко мне.

Киммериец не стал спорить и вошел в храм вслед за девушкой.

— Позовем еще кого-нибудь? — спросил Конан.

— Нет, не хочу! — отказ жрицы немало удивил северянина. Рамини никогда не возражала, если он обращался к ней с подобной просьбой. — Не желаю, чтобы ты отрывался от меня. Хочу получить настоящее удовольствие. Не лишай меня этого счастья, прошу тебя. Я знаю, что Рамини рассказывает тебе о Вендии. Давай заключим сделку. Сначала ты любишь меня. Сильно, страстно. Одну, больше никаких женщин! А потом я развлеку тебя рассказом.

— Учти, тебе придется многое вытерпеть, — шутя предупредил девушку Конан.

— Я на все согласна! — с жаром произнесла Махира. — Я тебя не разочарую.

— Тогда еще одно, — сказал киммериец. — Я очень хочу вина.

— Я тоже, — ответила жрица. — У меня в комнате есть охлажденное. Если его не хватит, я схожу еще за кувшином.

Махира не обманула киммерийца. У нее и впрямь рядом с кроватью стоял в ведре со льдом кувшин замечательного красного вина. Они со жрицей выпили где-то половину. Больше сил на то, чтобы сдержать разыгравшуюся похоть, у них не оставалось.

Жрица в любви оказалось столь страстной, что повидавший множество женщин киммериец удивлялся на нее. Она набрасывалась на Конана так яростно, словно у нее уже много месяцев подряд не было любовника. Еще в чем нельзя было отказать Махире, так это в любви к разнообразию. Она выдумывала для них с северянином все новые и новые возможности для ублажения друг друга.

Киммериец ни капли не пожалел, что согласился выполнить просьбу Махиры и не стал звать подруг. В прошлые разы, когда они развлекались вместе с Рамини, жрица не демонстрировала и десятой доли своих умений. Девушка была великолепна: тело ее было просто создано для любви, и как же она им распоряжалась!

—— Ты лучший из мужчин! — сказала она, когда они с киммерийцем решили ненадолго прерваться. Сколько прошло времени, Конан даже не представлял. В голове у него все перемешалось. — Такого удовольствия я еще никогда не получала. Каждое мгновение на вершине блаженства.

— Я чувствую то же самое, — произнес киммериец.

Он взял с пола кувшин с вином и сделал большой глоток, потом протянул напиток девушке. Она жадно начала вливать его в себя.

— Ты заслужил обещанную награду, — сказала она, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— О чем ты? — не понял Конан.

— Ты уже забыл, — рассмеялась Махира. — Я заставила тебя забыть!

— Обо всем, — сказал киммериец.

— Как же приятно это слышать! — воскликнула жрица, прижимаясь своей потрясающей грудью к северянину. — Но все же я сдержу слово. Я обещала тебе рассказ о Вендии. Ты будешь слушать? Он интересный.

— Потом мы продолжим? — спросил Конан. Ему хотелось получить от жрицы еще одну

порцию любви и страсти.

— Конечно! — ответила Махира. — Тебе придется постараться, чтобы оторвать меня от себя. Ты – лучший, сотник. Лучший!

— Тогда, может, еще немного порезвимся, — предложил Конан, — а потом уже рассказ?

— Нет, сейчас, — вновь проявила своеволие жрица. — Он тебе понравится.

— Хорошо, можешь начинать.

— Ты слышал когда-нибудь о тантриках?

— Именно что слышал. Знаю, что у них своя вера и свои ритуалы, отличные от тех, что справляет большинство вендийцев. Больше я ничего не знаю.

— Для чужеземца неплохо. Но поводу веры ты ошибся. Тантрики почитают тех же богов, что и другие жители Вендии. А вот обычаи и обряды у них, и впрямь, совершенно иные. Весьма, скажу тебе, интересные.

— Что же в них такого?

— Был бы ты вендийцем, объяснить тебе было бы проще. Ты успел разобраться, что значит для нас деление на касты?

— Все. Каста определяет дхарму.

— Правильно. Чем выше каста, в которой родился человек, тем меньше у него обязательств перед окружающим миром. Мы все живем в мире запретов. Под страхом дурного перерождения мы не можем совершать великое множество поступков. И если брамины и кшатрии хоть как-то свободны в своих деяниях, то низшие касты скованы запретами по рукам и ногам. Лишь не совершая недозволенного, мы можем получить желанное послесмертие.

— Для меня это все странно. Но я уже привык воспринимать вендийцев такими, какие они есть.

— Но тантрики не такие, как все вендийцы.

— Правда?

— Правда. Они отрицают запреты. По их мнению лишь деятельная жизнь дарует человеку высшее блаженство.

— Почему я тогда об этом ничего не слышал?

— А много ты слышал о фансигарах? Есть вещи, о которых не принято говорить. Тебе рассказали, что тантрики – это люди другой веры, но в подробности посвящать тебя нужным не посчитали. Потому что правда о них может стать сильным оружием в руках чужеземцев, вздумавших разрушать местный уклад жизни. А в таком намерении здесь подозревают чуть ли не каждого приезжего. В Вендии слишком ценят нынешнее равновесие.

— Не замечал ничего такого.

— Что же тогда тех же тантриков, которые стремятся к переменам, всеми силами вытесняют из общественной жизни?

— Ну-ну, я не хочу спорить с тобой. Тем более, что я почти ничего не знаю о теме спора.

— Я как раз пытаюсь тебе объяснить, а ты меня перебиваешь. Тантриков в Вендии не любит практически никто. Низшие касты, в силу своей непросвещенности и закостенелости, не могут принять некоторых их внешних атрибутов. Тантрики едят мясо, не отказывают себе в вине и настойках, пьют сколько считают нужным, любят всех женщин и мужчин, которых захотят, сколь угодно долго, и выборе форм для выражения любви не стесняются.

— То есть, они ведут себя, как люди с заката, с тем лишь условием, что поклоняются вендийским богам?

— Практически… И я просила меня не перебивать!

— Конечно.

— Многие кшатрии да и брамины, наверное, тоже были бы не против есть мясо и вдоволь

заниматься любовью, но их останавливает другой аспект мировоззрения тантриков. Приготовься, Конан.

— Я готов.

— Они отрицают касты! Представь себе. Для них не имеет никакого значения, в какой семье ты родился. Все, кто пришел к учителю, равны в его или в ее глазах. Разумеется, есть более талантливые ученики, чем разум готов постигать истину, а душа открыта для веры, а есть те, над кем предстоит кропотливо трудиться. И все же все они равны. Рассказать тебе, как они продвигаются в своем обучении?

— Давай.

— Сначала мужчина или женщина, обратившаяся к тантрикам, с просьбой принять их к себе, выбирает из их числа учителя для себя. Это самый важный, определяющий момент. Потому что именно учитель на протяжении многих лет будет указывать обращенному путь. Путь этот можно разделить на три участка. На первом ученик мало чем в своем поведении отличается от простых вендийцев. Его сознание еще недостаточно подготовлено, чтобы воспринять отказ от запретов и перейти к деятельной жизни. И учитель выбирает для своего ученика упражнения, что преобразят его восприятие мира, сделают его более открытым и для людей, и для богов. На втором участке пути происходит осознание человеком самого себя как тантрика. Он отбрасывает в сторону запреты. Изучает свой разум и тело. Для последнего как раз и требуется постоянная смена любовных партнеров. Про тантриков говорят, что они восхитительные любовники. И лишь спустя десятилетие или даже больше, ученик вступает на завершающий участок пути. Он получает право самостоятельно выбирать для себя упражнения, принимать других учеников, если те остановят на нем свой выбор, но связи со своим учителем он не теряет, потому что тот знает его, как никто другой.

— Тебе нравятся тантрики?

— Они меня завораживают. Точно так же, как завораживаешь меня ты. Тантрики – чужаки в нашей стране, но в отличие от фансигаров, которые тоже своего рода изгои, они не внушают ужаса. Они живые, настоящие. Мне нравится их стремление к деятельности.

— Деятельности, значит? А чем они на жизнь зарабатывают.

— Ученики работают, если они вышли из младших каст. Если из старших, то получают доходы с поместий. Учителя же занимаются магией.

— Магией?

— Да-да, магией. Все тантрики колдуны. Кто-то больше, кто-то меньше. Помнишь, я тебе говорила о тех упражнениях, что дает учитель ученику? Они несут в себе магическую основу. Это либо пассы – движения рук, ног, туловища, головы, либо мантры – такая своеобразная словесная форма заклинаний. Многократное повторений одних и тех коротких слов, через которое тантрик пытается добиться внимания богов.

— Кажется, я что-то начинаю понимать. Обыкновенные вендийцы стремятся показать богам свое расположение, постоянно что-то приносят им в жертву, а у тантриков хватает смелости что-то требовать самим.

— Да. Чего-чего, а смелости в исполнении обрядов им не занимать. Колдовать, к примеру, они любят над трупами. Достают где-нибудь покойника: самим им убивать нельзя, и несут к месту, где они организовали алтарь. Там над ним читают мантры, творят ритуалы с разными порошками, травами, а потом перед тем, как сжечь, выкрикивают воззвание к богу.

— И он откликается?

— Еще как! Я слышала, что колдовство тантриков может очень многое: оградить дом от непрошенных гостей, наслать болезнь на человека, изгнать демона или даже воскресить мертвеца. Того самого, что лежит у них на алтаре.

— Его же сжигают, как его можно воскресить?
— Не знаю. Но говорят, что можно.

Глава 13.
Второй день расследования
Дом Сатти

Гвардеец, раскачиваясь из стороны в сторону, начал медленно подниматься на ноги. Движения его казались на редкость неуклюжими. Он словно разучился пользоваться своим телом.

— Что-то с ним не так, — констатировал очевидное Бернеш.

— Совсем не так, — согласился Конан. — И еще я не вижу тени.

— Она пропала, когда приблизилась к нему, — сказал бастард. — Этот парень был мертв или нет?

— Дышал, — ответил киммериец.

Он чувствовал, что надо бы подняться на ноги и взять в руки саблю, но сил у него не было. Облегчение, что он почувствовал, когда бастард прогнал тень, оказалось обманным. Как говорится, все познается в сравнении. Конан хоть и обрел возможность двигаться, но по-прежнему был очень слаб.

Бернеш же и вовсе, казалось, едва поддерживал себя в сознании. Десятник был бледен, как сама смерть. Его слегка трясло, скорее всего, от озноба. Боец из него сейчас вышел бы не лучше, чем из киммерийца.

Гвардеец же, тем временем, кое-как добрался до лестницы.

Конан боялся, что они ничего не сумеют, ему противопоставить, когда он окажется внизу. Тень перехитрила их. Поняв, в каком положении она очутилась, тварь решила не нападать сама, а помогла пробудиться вендийцу.

Но тут впервые за вечер киммерийцу откровенно повезло.

Первый же шаг на лестницу оказался для гвардейца фатальным. Он оступился и кубарем скатился вниз. При этом Конан явственно слышал, как хрустнули его шейные позвонки.

Пленника у них с Бернешем не стало, но хотя бы их больше не пытались убить.

— Сотник, — из горла гвардейца донесся едва слышный хрип.

Киммериец взглянул на Бернеша. Тот в ответ пожал плечами, показывая, что не имеет никакого представления, что бы это могло значить.

Тогда Конан начал медленно на коленях приближаться к сверзившемуся с лестницы гвардейцу, которому полагалось быть мертвецом. Правую ладонь киммериец держал на эфесе сабли.

Оказавшись у вендийца, северянин аккуратно развернул его лицом к себе. Ему хотелось кое-что проверить. Когда гвардеец еще стоял наверху и смотрел на них, Конану показалось, что у него что-то не то с глазами.

— Не думал, что еще поговорим, Конан, — вновь прохрипел гвардеец.

Глаза его открылись. Они оказались целиком черными.

Внезапно на киммерийца снизошло озарение.

— Хамар? — спросил он.